

18+

Мранька Никифор
*Век прожить — не поле
перейти*

перевод Татьяны Рымаревой

Мранька Никифор

Век прожить — не поле перейти

«Издательские решения»

Никифор М.

Век прожить — не поле перейти / М. Никифор — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-691293-9

...Он вышел к реке. И впервые заметил, как изменилась Волга. Раньше она казалась ему бескрайне широкой и глубокой. Теперь перед ним текла сравнительно узкая речка. Тридцать лет назад здесь был лишь маленький песчаный островок. Пароходы проходили вдоль него. Но время сделало своё дело: остров разросся, перегородил часть русла. Теперь суда шли по другую сторону. «...И в природе всё меняется...», — вздохнул Степан, невольно сравнивая судьбу реки со своей жизнью.

ISBN 978-5-00-691293-9

© Никифор М.
© Издательские решения

Содержание

Первая книга	6
Часть 1	7
Глава 1	7
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	22
Глава 5	26
Глава 6	34
Глава 7	36
Глава 8	38
Глава 9	39
Глава 10	41
Глава 11	52
Глава 12	56
Глава 13	57
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Век прожить — не поле перейти

Мранька Никифор

Переводчик Татьяна Владимировна Рымарева

© Мранька Никифор, 2026

© Татьяна Владимировна Рымарева, перевод, 2026

ISBN 978-5-0069-1293-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Первая книга

*Выражаю искреннюю благодарность моей маме Ермишовой
Тамаре Кузьминичне за помощь при переводе романа.*

Часть 1

Глава 1

Яркие весенние лучи радушно рассеивают по земле тёплые искры. Растения, пробуждаясь от зимнего сна, тянутся к солнечному теплу, как маленький ребёнок тянется к груди матери.

Самое прекрасное в этом мире — жизнь.

Только людям, лежащим в могиле, ничего не нужно. Они не чувствуют тёплого солнечного света, не могут любоваться растениями... Хотя их имена и остаются в сердцах живых родственников и друзей, не все они равны. Богатство и бедность людей при жизни продолжают определять их статус, даже когда они лежат под землёй. На могилах тех, кто оставил родственникам деньги, ставят крепкие массивные кресты. А тех, кто не оставил после себя ничего, хоронят иногда без креста. На могилах некоторых бедняков сострадательные сородичи ставят кресты из липы, которые вскоре гниют и, опрокидываясь, лежат, пугая прохожих безысходностью забвения.

Подобное можно было видеть на кладбищах всех восьми деревень, входящих в церковный приход. В центре кладбища, под пышной берёзовой зеленью — высокий дубовый крест, поставленный на могиле отца Петра — деда Миххи. Могила обнесена железной оградой, будто даже после смерти он не желал знаться с простым человеком, чьи могилки со временем поросли травой.

В этот день чуваша, по вековому обычаю, собрались поминать родных. На могилах — блины, яйца, сыр, пироги в изобилии. Есть и пиво, и водка. У старых могил слышны громкие возгласы и пение. Те, кто недавно потерял своих родителей или детей, рыдают на их могилах.

На восточной окраине кладбища, на могиле младенца, лежала женщина, истекая горячими слезами.

Наверное, только мать, потерявшая ребёнка, может так горько плакать.

Рядом, у другой маленькой могилы, сидел мужчина. Не выдержав горя жены, он взволнованно произнёс:

— Пожалуйста, Татьяна... Сколько ни плачь, их уже не оживишь.

— Как не плакать, Степан?.. — сквозь слёзы произнесла женщина. — Своя же кровь... Родила четверых, но остался только один...

— Что ж делать? Только ранишь саму себя.

— Пожалуйста, не останавливай, Степан, хотя бы слёзы мои...

Раздался печальный колокольный звон. Пьяный шум затих. Горе нахлынуло с новой силой, рыдания усилились.

Если бы можно было собрать все человеческие слёзы — было бы море. Но земля, не боясь слёз, старается втянуть в себя каждую каплю горя.

Татьяна, оторвавшись от могилы, подняла голову. Вытерла платком мокрые глаза.

— Батюшка... пришёл помолиться...

Степан взглянул на человека в длинной одежде, с густыми, как грива льва, длинными кудрявыми волосами и густой бородой, обрамлявшей его рот. Проповедник прошёл мимо ближайших могил и подошёл к железной ограде.

Так было всегда. Несмотря на то, что священники менялись, традиция приходить на кладбище и молиться сначала на могиле деда Миххи не прекратилась. При этом они высказывали уважение не человеку, давно ставшему землёй, а ныне живущим его потомкам. Здесь священник пробыл недолго. Оснований для долгой молитвы не было — родственников умершего поблизости не наблюдалось. Махнув кадилом три-четыре раза, он двинулся дальше.

Когда поп приблизился, Татьяна и Степан поднялись.

Тот, дойдя до них, низким голосом громко воскликнул:

— Со святые упокой, Христе, души усопших рабов твоих! Подайте скорее помянник!

Татьяна достала из кармана маленькую книжечку и вручила ему.

— Ионы, Михаила, Александра, Тимофея... — Зачитав вполголоса написанные там имена, священник вернул книгу.

Поп ушёл.

В память об умерших будет проведено богослужение. Теперь пора домой. Степан и Татьяна остатки пищи — блины, сыр и пироги — разделили на три части и положили на три могилы. Молились, стоя на коленях:

— Дедушка, бабушка... Папа, мама... дети... Родные и близкие — ешьте то, что мы едим... То, что мы пьём, вы тоже пейте... Мы сыты — и вы сыты... Пусть тяжёлые песни станут лёгкими... Пусть ваши души ходят в молочном озере...

Помолившись, они отправились домой.

Степан — мужчина высокого роста, широкоплечий, с крепкой грудью. В его сорок пять лет ему никак нельзя было дать больше тридцати пяти-сорока. Чёрные, живые, как черёмуха, глаза и блестящие волосы, обрамлявшие венком круглое лицо, делали его ещё моложе.

Татьяна на пять лет старше мужа. Нельзя сказать, что в те времена было традицией брать в жены тех, кто старше. Парни старались найти себе пару помоложе.

Трагические обстоятельства привели к тому, что Степан женился на женщине старше себя.

Семнадцатилетний Степан осиротел после того, как его родители ушли друг за другом от одной болезни в течение двух дней. Тогда родственники женили его на женщине, которая была старше по возрасту, считая, что ему нужна женщина, способная управлять домом.

Сейчас Татьяне пятьдесят лет. Но она выглядит старше. На её бледном, вытянутом лице жизнь оставила глубокие следы морщин, посеребрила волосы. Не бедность привела Татьяну к преждевременной старости. Одежда выдавала то, что супруги живут в достатке.

Степан одет в новый однобортный кафтан с вышивкой. Суконные брюки тоже не старые. На ногах кожаные сапоги. На Татьяне костюм из белой ткани. На голове узорчатый головной платок.

Нет, не нужда состарила Татьяну, а смерть троих маленьких детей от краснухи.

Сначала они шли молча, обременённые горем. Выйдя в чистое поле, Степан оживился.

— Земля поспела. Завтра можно выходить пахать.

— Как деревня... Если выйдут, то и мы выйдем...

— Не будем смотреть на остальных, Татьяна. Сердце чувствует, что земля лежит в ожидании плуга.

Немного отойдя от дороги, он вошёл в поле, схватил ком земли, бросил его на дорогу и вздохнул с облегчением, увидев, что ком земли, упав на дорожную твердь, рассыпался:

— Видишь? Земля созрела.

— Да... — согласно улыбнулась жена.

Стоявшего поодаль мужа Татьяна видела теперь, словно на ладони родной деревни.

Полуразрушенное село, как будто стыдясь своей бедности, укрылось по обеим сторонам улицы зеленеющими ветками стройных берёз.

В народе ходили разные слухи о происхождении этого села. По слухам, двести лет назад за рекой был один дом. В этом доме жил человек по имени Сапаней. А в низовьях деревни до сих пор есть ореховая роща, называемая Кипенеевской, так как здесь жил человек по имени Кипеней.

Предполагается, что жители Энешкасси являются потомками этих двух домов.

Есть и другие объяснения, как за рекой образовалось село. По рассказам, люди сначала хотели поселиться на противоположном берегу реки. Там и место для строительства села ровное, и источник воды поблизости. Однако, только они начали копать землю, чтобы поставить дом, как нашли в ней кусок кирпича. Тогда жители решили, что здесь раньше жило инородное племя, и, опасаясь его возвращения, основали деревню за рекой.

О том, что в древности у деревни Энешкасси было много земли и как она потеряла её, ходят различные легенды. Некоторые предполагают, что граница земли когда-то проходила по одноименному лесу и выходила на берег Волги.

Однажды в жаркую летнюю ночь на берег, считавшийся землёй деревни Энешкасси, волжская волна выбросила труп утопленника. По правилам, изданным чиновниками, жители села, на чьей земле был найден труп, должны были его хоронить. Сельчане так боялись утопленников, что готовы были умереть, лишь бы не хоронить труп. И на вопрос стражника люди единодушно ответили: «Это не наша земля». Больше они на эту землю не ступали.

Есть и другая версия.

— Наши земли были отобраны дедом Миххи, — говорят её приверженцы.

В старину в Энешкасси пришёл некий барин. Он сразу зашёл в гости к деду Миххи. За пиром они сговорились и приказали старосте собрать народ. Когда народ собрался, дедушка Миххи сказал:

— Братцы, Аталкассинскому барину нужна земля.

Народ недовольно зароптал. Тот тут же поспешил успокоить:

— Братцы, вы правы, и нам тоже нужна земля. Не бойтесь, он мало просит. Всего лишь столько, сколько охватит шкура одного быка. Судите сами, это же мелочь. Ширина — одна сажень, длина — две сажени!

— Зачем ему так мало земли? — спрашивали сельчане.

— Для чего нам разбираться в этом? Я ещё забыл сказать вам. За землю он платит неслыханную цену!

Он хитрыми глазами посмотрел на народ и утёр острую бороду...

— Того быка, с которого он сдерет шкуру, он отдаст вам всем на угощение. И в придачу два ведра водки!

Предложение долго обсуждали. В конце концов они решили:

— Что для нас земля с бычьей шкурой, цена которой действительно неслыханная.

Община с радостью приняла это предложение и дала согласие подписать договор-обязательство, доверившись во всём дедушке Миххи.

На другой же день барин привёл в деревню большого толстого быка и не забыл принести два ведра водки. Быка закололи сами жители деревни. В десяти котлах варили мясные супы.

Всё же некоторые удивлялись, что барин не торопится измерять землю. Дедушка Миххи объяснил им это так:

— Кожа пока свежая, ею неудобно пользоваться. Высохнет — потом будет мерить.

Много ли времени прошло, мало ли, барин принёс воловью шкуру обратно. Господин Аталкассинский в толпе сельчан резал кожу тонкими полосами и связывал их узлами. Получилась очень длинная верёвка. Барин отмерил ею и отхватил себе столько земли!

С тех пор владения деда Миххи и Аталкассинского барина ещё больше расширились.

Трудно сказать, достоверно ли эти легенды освещают историю деревни. Скорее всего правда заключается в том, что село возникло двести-двести пятьдесят лет назад из служилых людей, состоявших в великокняжеской общине. Они селились поодиночке, а иногда и группами, покидая родные места. Это более достоверные сведения.

Село Энешкасси появилось в прекрасном месте. С обеих сторон — дремучий лес. Недалеко от села в низовья реки Волги впадает река Элнет, пересекая собой Великий Луг.

Чуваши, живущие в деревнях по ту сторону луга, завидовали жителям Энешкасси:

— Жить им не на что... Выходи и руби, живут рядом с дровами.

Поэтому девушки окрестных деревень старались выйти замуж за парня из Энешкасси. Девушки же деревни, вынужденные выйти замуж в деревни за луга, расстраивались.

Собственно, деревня Энешкасси ничем не отличалась от других деревень, кроме красоты края. В деревне насчитывалось всего сто дворов. Но из ста домов только один белый. В этой избе жил богатейший землевладелец — сын Петра, Михха. Никто не мог точно объяснить, почему их семья так разбогатела. Некоторые говорили, что в молодости дед Миххи торговал телом жены. Другие думали, что дед Миххи обворовывал представителей городской власти, которые, приезжая из Казани, останавливались у него на постой. Его справедливо считали главарём воров. Потом отец Миххи странно исчез. Были свидетели, как в одну летнюю ночь он ушёл из деревни. Обратного он уже никогда не вернулся. Куда он пропал — никто не знал.

Как бы то ни было, для ныне живущих их потомков осталось неисчислимое сокровище. Таких богатеёв, как Михха, в округе нет.

Остальные девяносто девять домов — чёрные. Тех, кто не обязан был работать на Михху, считали самыми счастливыми в деревне. Одним из таких счастливиц являлся Степан. Он владел двумя именованными наделами. Поэтому и не страдал от этого самодура. Держал лошадь, корову.

Один из самых отвратительных обычаев Миххи — в состоянии опьянения выезжать верхом на скакуне и топтать людей, встречающихся на улице. Если никого не встречал на улице, перепрыгивал на скакуне через невысокие заборы и врвался во двор. Его пьяные возгласы вызывали у людей ужас. Чиновники не вмешивались, не слушали жалобы тех, кому причинил вред Михха, и делали вид, что проблем нет. Для него не было никаких ограничений.

Весть о том, что он выехал верхом на улицу, мгновенно заставляла людей разбежаться и прятаться где угодно — будто перед ними оказалась гадюка. В это время все без исключения старались держать детей подальше от улицы, укрывая их по домам.

Только Степан не боялся Михху, не прятался, когда тот выезжал верхом.

— Степан, как ты не боишься? А если он растопчет тебя? — соседи-односельчане, обминая от ужаса, пытались его образумить.

В таких случаях Степан отшучивался:

— Зачем я ему? Другой дороги нет, что ли? Разойдёмся как-нибудь...

В душе Степан давно ждал встречи с Миххой.

«Давно надо проучить этого великовозрастного ребёнка», — считал он. Но до сих пор, его как будто хранила судьба — они не встречались. А вот сегодня встретились.

Двадцатисемилетний богач Михха, напившись по случаю Симек*, снова выехал верхом на чёрном скакуне и скитался по селу в поисках очередной жертвы. Но улицы были пусты. Михха бесполезно загонял скакуна — никого.

Вдруг в его глазах блеснул весёлый огонёк. Он вспомнил:

— Народ же сегодня на кладбище. И им пора возвращаться. В поле они от меня никуда не денутся!

Тут он увидел, что в пустые ворота вошли мужчина и женщина.

— Вперёд! — яростно закричал он. Конь молниеносно бросился к околице.

Татьяна первая увидела, что всадник несётся в их сторону. Её сердце забилось так быстро, будто попало в сеть. Она схватила мужа за кафтан:

— Господи, Степан!

Степан в недоумении обернулся к жене:

— Что случилось?

— Не видишь, прямо на нас скачет... — голос Татьяны дрожал.

— Кто?

— Боже, Степан! Мы же пропали...

Степан резко обернулся, окинул взглядом улицу. Вдали уже маячила грозная фигура Миххи на взмыленном скакуне. Степан застыл на месте.

— Сворачивай с дороги, Степан! Надо искать укрытие! — в отчаянии умоляла Татьяна, её пальцы судорожно вцепились в рукав мужа.

— Татьяна, успокойся... — в голосе Степана звучала непривычная твёрдость. — Мы никому не делали зла, нам нечего прятаться. Наши мысли чисты перед людьми, как солнце. А его надо проучить, чтобы не сбился с пути...

Но Татьяна уже не слышала слов мужа. Сердце её колотилось так, что, казалось, готово вырваться из груди. Грохот копыт нарастал, словно барабанный бой перед неминуемой расправой.

— Степан, он же нас растопчет!

— Разве?.. — в голосе Степана зазвучала язвительная насмешка. — Помилуй, Господи, как же он нас растопчет? Или улица для него узкая? — Затем, смягчившись при виде перепуганной жены, тихо добавил: — А ты, если боишься, отойди. Ступай под плетень.

— А ты?! — в ужасе вскрикнула Татьяна.

— Ничего... Хочу немного поговорить с ним. Пожалуйста, не мешай мне. Отойди в сторону, — и мягко, но решительно отстранил жену.

Татьяна попятилась, прижалась к плетню, вся дрожа.

Тем временем зрители, затаив дыхание, наблюдали из укрытий — кто сквозь щели в стенах, кто из-за ставен. Все были уверены: вот-вот Михха собьёт Степана с ног. Кто-то горестно вздохнул, жалея смельчака, но никто не решился выйти на помощь.

Когда до скачущего всадника оставалось всего три-четыре шага, Татьяна не выдержала. Скользя спиной по переплетённым прутьям ограды, она опустилась на землю и закрыла лицо руками — не в силах смотреть, как погибает муж.

А Степан в это мгновение рванулся навстречу скакуну. Молниеносным движением схватил уздечку, повис на голове коня. Могучий скакун, не выдержав внезапной тяжести, опустил голову и замер как вкопанный. На улице воцарилась мёртвая тишина.

— Это конец... Как мы будем жить без него... — стонала Татьяна, уверенная, что муж лежит на дороге, залитый кровью. Но, отняв руки от лица, она оцепенела: Степан стоял, крепко удерживая голову скакуна! Он жив! И даже не ранен! Как ему удалось обуздать буйного коня? Вон тот в ярости грызёт удила, выгибая шею дугой, силится выпрямить передние ноги, вспахивая землю копытами, но не может даже сдвинуться с места...

Однако радость Татьяны длилась недолго. В памяти вспыхнуло: никто прежде не осмеливался встать на пути Миххи.

Михха, едва не свалившись с коня, вцепился в гриву, с трудом выпрямился. Пьяный и разъярённый, он мысленно вопил: «На глазах у всех остановили моего скакуна!.. Я чуть не рухнул на землю. Какой позор! Такого унижения не знал никто в моём роду. О, уважаемые предки! Вам, должно быть, стыдно за меня. Не проклиняйте... Я не позволю запятнать ваши славные имена!»

Сжав поводья, он хлестнул коня плетью и взревел:

— Топчи его!..

— Степан, Степан! Что ты делаешь? Отойди с его пути, пожалуйста! — закричала Татьяна, голос её срывался от ужаса.

Но Степан словно оглох. Не услышал и яростного звериного рыка Миххи. Руки его по-прежнему крепко держали голову скакуна.

— Эх, неуважаемый Михаил Петрович... Разве нельзя ездить по улице, не топчя людей?.. Или мы не такие же, как ты?.. Видишь, с кладбища идём, поминали стариков и детей. Если не стыдишься людей, так хоть себя постыдись... — говорил он, будто размышляя вслух.

Ярость Миххи достигла предела — впервые кто-то осмелился преградить ему путь!

— Вперёд! — взвыл он, перекрывая все звуки. — Топчи его, давай! — и принялся неистово охаживать коня плетью.

Скакун пытался отступить, но Степан не ослаблял хватку.

— Бог видит, Михаил Петрович, не я, а ты виноват в том, что во мне поднялась злоба! — голос Степана звучал всё твёрже. — Не жалуйся на меня теперь!

Размахнувшись, он ударил коня кулаком в лоб — словно дубинкой.

— На! Кончено!..

Алая кровь хлынула из носа скакуна. Он рухнул на задние ноги и опрокинулся.

— И смотри! Ещё раз увижу, как топчешь людей на своём скакуне... хуже сделаю! — бросил окровавленный Степан и, резко развернувшись, направился к Татьяне.

Глава 2

Солнце клонилось к закату, окрашивая весеннее небо в тёплые янтарные тона. В поле ещё кипела работа — слышались окрики пахарей и бодрое ржание лошадей.

— Ну-у!.. Держи ровнее!

— Ы-ы, слепой заяц! Куда ушёл с грядки?!

Голоса односельчан то сливались в общий гул, то вновь раздавались поодиночке. Пахари, одетые в белое, чётко выделялись на фоне тёмной земли.

Завершив посев, Степан остановил коня у борозды и повернулся на запад.

— Спасибо Тебе, Господи, за помощь в успешном севе хлеба. Пусть будет хороший урожай, — прошептал он, перекрестился, затем распряг коня.

Насыпав в корзину оставшийся от посева овёс, Степан поставил её на землю. Несколько мгновений он молча наблюдал, как жеребец с хрустом поедает зерно.

— Кушай, кушай, Машук. Я должен был угостить тебя. Ты помог мне засеять поле, — ласково проговорил он, целуя коня в лоб.

Достав из холщовой сумки ломоть хлеба, два яйца и сыр, Степан положил их на расстеленное на траве полотенце.

Сегодня не стоит спешить домой: по старинному обычаю после посева хлеба было принято обедать в поле, поминая предков.

Очистив яйцо, Степан машинально провёл пальцами по густой шевелюре и широкой бороде, обрамлявшей его лицо. Снова повернувшись на запад, он прошептал:

— Господи, помилуй, не оставь... — перекрестился и присел на корточки.

Ломая кусок сыра, он продолжил тихую молитву:

— Бабушка... Родители... Дети... Братья и сёстры... Угощайтесь, не оставьте... Будьте рядом. Посевы прогрейте. Помогите собрать то, что вырастет. Предотвратите бурю и ледяной дождь... Угощайтесь, не оставьте...

Проговорив слова молитвы, Степан бросил в поле кусок сыра, яйцо и ломтик хлеба. Когда последний кусочек исчез во рту, он бережно собрал крошки с подола и отправил их следом — не из нужды, а по привычке, из бережного отношения к хлебу.

Снова перекрестившись, Степан собрал сумку, поднял с земли шапку. На соседнем поле пахари всё ещё трудились не покладая рук — они не могли уйти без дозволения хозяина.

Сердце Степана сжалось от сочувствия, но тут же отпустило: он вспомнил о своей независимости. Глаза его засияли — в хозяйстве имелись лошадь, корова, пять овец, птица. Он даже испытывал тихую гордость: среди полей Миххи лишь его надел оставался нетронутым жадным богатеем.

Михха не раз пытался вытеснить его, но Степан стоял твёрдо.

— Как я могу покинуть землю, которой меня благословил Всевышний? — неизменно отвечал он.

С удовлетворённой улыбкой Степан кивнул сам себе и неспешно направился к коню. Машук, почуяв приближение хозяина, громко заржал, высунув голову из корзины.

— Эх ты, Машук, уже съел всё? Ещё надо? Пока хватит, дома ещё накормлю тебя старухиним месивом, посыпая его мукой, — ласково сказал Степан, слегка хлопнув коня по лбу.

— Давай, Машук, пойдём потихоньку... — и, натянув поводья, сделал первый шаг. Конь послушно последовал за ним.

Степан редко садился в телегу или сани — даже если они были пустыми. Он всегда вёл коня под уздцы, шагая рядом. Машук, стремясь угодить хозяину, без отдыха тащил двадцать, а то и тридцать пудов груза в гору.

Переправившись через реку, Степан повёл коня по необработанному полю. Шагал спокойно, слушая шелест ржаных стеблей. Вдруг из-под ног вспорхнул жаворонок и устремился ввысь. Степан невольно замер.

Маленькая чёрная точка на тёмно-синем небе... Сердце сжалось от жалости.

— Эх, птица... Что под ноги садишься... другого места не нашла, что ли? — тихо произнёс он.

Жаворонок, словно уловив настроение человека, залился звонкой песней. Но в этих перебивах Степану послышалась грусть, будто упрёк. Он махнул головой, досадуя на себя за то, что спугнул птицу.

Продолжая путь, Степан вышел на дорогу, пролежавшую между посевами ржи. После дождя злаки поднялись, раскинувшись зелёным ковром. От одного взгляда на эту картину на душе становилось светлее.

В сердце Степана жила заветная мечта: построить белую избу и женить сына. Девушку для него он уже присмотрел, но держал планы в тайне — боялся, что они не сбудутся. Хотел осуществить задуманное незаметно, удивить всю деревню. Потому этой весной и отправил сына на заработки на Волгу.

— Если денег не хватит, то корову можно продать. У нас нет маленьких детей, которым нужно молоко. Бог даст, потом корову купим. А в белой избе я стану другим человеком. А в деревне станет две белых избы... — размышлял он.

Погружённый в приятные думы, Степан не заметил, как к воротам подошёл человек в кожаных сапогах и плаще, с багром в руках. Это был Михха. Он возвращался с реки — проверял, схлынула ли вода. Там, на берегу, громоздились тысячи его брёвен, которые нужно было сплавить.

Увидев Степана, Михха вздрогнул. В душе вскипела ярость — если бы хватило сил, он убил бы его тут же. Но воспоминание о том, как Степан одним ударом поверг его скакуна, заставило Михху натянуть притворную улыбку.

— Дядя Степан, здравствуй, — произнёс он как можно теплее.

Голос Миххи вырвал Степана из мечтаний. Обернувшись, он увидел своего недруга. После их столкновения Степан знал: Михха искренне его ненавидит. Он ожидал скандала, готовился дать отпор, но тёплый тон Миххи удивил его. Степан подумал, что тот, возможно, почувствовал вину и решил пойти на мировую — ведь с тех пор Михха больше не разъезжал пьяным верхом на скакуне.

— Здравствуй... — коротко ответил он.

— Всё засеял? — мягко спросил Михха, скрывая злобу.

— Можно сказать, что всё. Другой земли для посева нет.

— Быстро ты всё засеял...

— Что мне не посеять? Я не сею на чужой земле, я сею только на своей, — ответил Степан и, открыв ворота, направил коня на улицу.

Эти слова обожгли Михху, разожгли в нём кипучий гнев. Он остался у ворот, прошипев сквозь зубы:

— Ты будешь в ногах моих валяться, нищий!

Степан не услышал угроз. Спокойно шагая рядом с Машуком, он приближался к дому.

Двор его мало отличался от других крестьянских: чёрный дом под соломенной крышей, старый сеник из досок, небольшой амбар с одной дверью, низкий сарай через весь двор, конюшня из мелких брёвен в углу, загончик для овец рядом.

Брёвна давно потеряли цвет, кое-где покрылись грибком; крыша приобрела соломенно-пепельный оттенок. Обветшалое жилище пряталось в ветвях старой ветлы, росшей перед домом.

У дерева Степан остановился, отвязал борону и повесил её на сухую ветку — здесь она пробудет до следующей страды.

Из окна Татьяна заметила возвращение мужа и поспешила навстречу. Она всегда ждала его с беспокойным нетерпением.

— Засеял? — спросила она кротко, и, сняв засов, начала толкать створку ворот в сторону.

— Засеял! — весело откликнулся Степан. — Посмеялся сегодня!

— Над чем? — в недоумении спросила Татьяна.

— Встретил Михху...

Татьяна встрепелась, в глазах её вспыхнул нескрываемый испуг. Она всмотрелась в лицо мужа, словно пытаясь прочесть в нём грядущие беды.

— Ну, я думал, он начнёт ругаться, — спокойно произнёс Степан. — А вместо этого тепло поздоровался. Как будто между нами ничего и не было. Видно, наша встреча в Симек не прошла даром. Должно быть, понял: нельзя вечно издеваться над людьми.

Но слова мужа не принесли Татьяне облегчения. Хотя она и убедилась, что между Степаном и Миххой не случилось новой стычки, тревога не отпускала её сердце.

— Ах, господи, Степан, не верь ему, пожалуйста! Постарайся держаться от него подальше. Время покажет, что у него на уме, — взмолилась она.

— Ничего, Татьяна... Волков бояться — в лес не ходить. Не позволю себя оскорблять! — твёрдо ответил Степан.

Когда Татьяна распахнула ворота, Степан завёл коня во двор.

— Скоро овса дам, много, — пообещал он коню. — Хоть ешь, хоть катайся.

Машук тут же улёгся на траву и начал перекатываться с боку на бок, будто в точности понял приказ хозяина.

— Молодец, молодец! Сила у тебя есть, — с тёплой улыбкой произнёс Степан, наблюдая за конём.

Машук вскочил, повернул шею к хозяину и громко заржал.

— Овёс дать? — добродушно усмехнулся Степан. — Машук овса просит!

— Сейчас! — Татьяна поспешила к амбару.

— Машук! Иди сюда! — позвала она, высыпая овёс прямо на пол.

Степан присел на лестницу перед сенями, развязал лапти и принялся выстукивать ими о столб, выбивая налипшую землю.

— Налей кваса, — попросил он.

— Пиво есть, — напомнила Татьяна. В их доме издавна соблюдалась традиция: по случаю окончания сева или молотбы жена готовила пиво — в память о предках.

— Позже, за ужином. Давай пока квас, — ответил Степан.

— Сейчас зачерпну, — согласилась Татьяна и торопливо направилась в сени.

Ожидая квас, Степан взял кусок палки и принялся сбивать землю, налипшую на пахотное железо.

Вскоре Татьяна вернулась с кружкой кваса и войлочными чунями.

— Степан, — ласково позвала она, — иди квас пить! Сначала надень эти шерстяные калоши. Что толку, если пожилой человек ходит босиком? Земля холодная.

Она поставила чуни перед мужем.

— Эх ты, старуха, смотришь на меня чаще, чем в молодости, — шутливо отозвался Степан.

— В молодости тебе присмотр и не нужен был. Ты был силён. А сейчас, в старости, хочу, чтобы не замёрз, не заболел, — с нежной заботой произнесла Татьяна.

— Я ещё в силе, — с гордостью ответил Степан, принимая чашу с квасом.

— В доме и пиво есть... — вновь напомнила жена.

— Пиво потом выпьем. Чего торопиться?

— Пора бы... Баня готова.

— Баня? Очень хорошо — кости попарить. Ты у меня молодец. Без слов понимаешь, что мне нужно, — похвалил он.

Глаза Татьяны засияли от радости.

— Иди, пока не стемнело.

— Успею.

Степан поднёс чашу к губам, прошептал: «Господи, не оставь», — слегка подул на квас и выпил до дна. Протёр ладонью усы и бороду, вернул жене пустую чашу.

— Ещё будешь?

— Пока хватит. Когда выйду из бани, выпью. Сама топила?

— Максим с кумой.

В этот момент с улицы донёсся звонкий крик:

— Крестный! Пойдём в баню!

— Вон, кажется, Оська пошёл в баню. Дай-ка чистое бельё, и я пойду, — обратился к жене Степан.

— Сейчас принесу! — поспешила в сени Татьяна.

— Крестный, пойдём в баню! — снова позвал Оська.

— Иду, иду! — откликнулся Степан. — Ты один?

— Один.

— А отец где?

— Отец ещё не вернулся с пашни. Спешу зайти в баню, пока его нет.

Татьяна вынесла бельё.

— Веник положила в воду в корыто, — предупредила она.

— Ладно, — кивнул Степан, сунул бельё под мышку и вышел со двора.

По дороге он окинул парня пристальным взглядом.

— Говорят, в ночном ты лошадей загоняешь, — заметил он.

Оська удивлённо вскинул глаза:

— Кто это сказал?

— Слышал, — уклончиво ответил Степан.

— Враньё это, крестный! Я вашего коня не то что гонять — заставить быстро шагать не могу!

— Поэтому толстый он, — рассмеялся Степан.

— Толстый? — с обидой переспросил парень.

— Ладно, не обижайся, я пошутил, — смягчился Степан. Они спустились к роднику. — Ты иди в баню, раздевайся, я веники принесу.

Два веника лежали в корыте, прижатые камнем. Степан поднял их и направился к бане. Оська уже разделся и сидел на большом камне перед входом.

Степан снял рубашку и штаны.

— Айда, зайдём, веники опробуем!

Они вошли в баню. Оська от жары присел на корточки.

— Ай, ай, уши щиплет!

— Что за баня, если не щиплет? — весело усмехнулся Степан. — Сейчас жар поддам, чтобы пот выступил по всей спине.

Он зачерпнул воду ковшом и, приговаривая, плеснул на раскалённые камни. Затем повторил — ещё раз полил водой.

— Ой, жарко... — простонал парень.

— Эх, ты, слабак! Жениться собрался, а жар терпеть не можешь.

— Нет, не хочу я жениться, — воспринял слова крестного всерьёз Оська. Зачерпнув ладонью родниковую воду из ведра, мальчик освежил лицо.

Степан взял веники с камня, слегка прогнул их.

— Как шёлковые. Будешь париться?

— Нет, крестный, сперва сам парься.

— Жары боишься?

Черпая воду из чаши, он поливал пол и протирал веником, наполняя баню душистым паром.

— Чтобы горечь ушла, а сладость осталась... — приговаривал он.

Ударив веником по полке, произнёс:

— Дедушка... Родители... Родственники... Дети... Все... Заходите и вы в нашу баню...

Степан взобрался на полку и с размахом хлестнул себя двумя вениками по животу. Воздух, коснувшись разгорячённой кожи, закружился вокруг тела — то обжигая, то отступая. Степан всё громче вскрикивал:

— Ой! У-ух! Ооой!

Оська рассмеялся.

— А-а? Жарко?

— Я не из-за того, что жарко... Наслаждаюсь вкусной баней, — ответил Степан и поддал ещё жара. Горячий воздух, ударившись о потолок, хлынул вниз.

Парень не выдержал — на четвереньках открыл дверь и выскочил наружу. Степан поддал ещё пару и продолжил париться с новой силой. Руки от жара окунал в холодную воду, затем снова брался за веники. Наконец, соскочив с полка, он выбежал наружу, сел на траву перед баней и, подняв ведро с холодной водой, опрокинул его себе на голову.

— У-у... Вот это баня! — выдохнул он с наслаждением. — Ну, теперь твоя очередь, Оська. Давай, попарю тебя.

— Слишком жарко там сейчас, крестный. Пусть немного остынет.

— Да что ж, что жарко! Самая сладость там сейчас.

— Баня сладкая? Там жарко!

— Ничего страшного. Воды сейчас плеснём и остудим, — хихикнул Степан.

— Ааа, ты опять пару хочешь поддать?!

— Сколько тебя уговаривать? — вздохнул Степан. — Отец скоро вернётся с поля, а тебе пора в ночное. Давай, попарю тебя, и выйдешь из бани.

— Только не парь сильно... — умолял парень.

— Эх ты, тебя же не бить собрались, — усмехнулся крестный.

Оська сдался. Они вернулись в баню. Степан, держа веник над горячим камнем, слегка потряс его и взял чашу для черпания воды.

— Ай, крестный! Не давай пар! — взмолился крестник.

— Не бойся, я же не тёплой плесну, — снова пошутил Степан. Зачерпнул ковш ледяной воды и плеснул на камень.

— Хватит, хватит, крестный! — испугался Оська, что тот добавит ещё жара.

— Слезь на пол.

Оська послушно опустился на пол и лёг лицом вниз. Степан крепко сжал в обеих руках два веника.

— Господи, помилуй... Пусть плохое уйдёт, а хорошее останется!.. — прошептал он, поднял веники и, глубоко вдохнув горячий воздух, легонько хлестнул парнишку по спине.

— Жжёт невыносимо! — вскрикнул Оська.

Степан невольно улыбнулся, вспомнив, как сам в молодости боялся бани, вздрагивал от каждого удара веником.

— Давай, ложись. Я только протру тебя, не бойся, — успокоил он.

Мальчик вытянулся на полу. Степан зачерпнул воды, пролил её сквозь веник — прохладные капли, словно дождь, оросили спину Оськи.

— Хорошо? — спросил Степан.

— Ай, хорошо, крестный! — с облегчением и радостью воскликнул Оська.

Степан сдержал обещание: больше не хлестал, а лишь бережно протирает спину веником, разгоняя жар и даря приятную прохладу.

— Ну, хватит, — наконец произнёс он и вылил на голову мальчика пригоршню свежей воды.

В этот миг за дверью раздался бодрый голос Максима:

— Баня да будет вкусна!

— Пусть будет как ты говоришь! — откликнулся Степан. — Оська, скорее ополоснись и выходи. Вон отец вернулся, коней надо в ночное отогнать, — поторопил он мальчика.

— Я сейчас, крестный! — отозвался Оська.

Он подошёл к каменному котлу, смешал горячую воду с прохладной из ведра, вылил себе на голову и выскочил из бани.

— Вышел? — спросил Максим. — Парился хоть?

— Парился, — с гордостью ответил мальчик.

— Одевайся и беги домой. Младшие уже собираются ложиться спать. Смотри, хорошо смотри за лошадьми, не засни — могут на рассаду выйти. Можешь пораньше вернуться: завтра опять сеять, — напомнил отец.

— Ладно, папа! — весело откликнулся Оська, и, наскоро натянув штаны и набросив на разгоряченную спину чистую рубаху, бросился домой.

Глава 3

После встречи со Степаном Михха вернулся домой, снедаемый яростью. Ворота распахнулись от мощного пинка; ещё один — и они с грохотом захлопнулись. Две крупные собаки выбежали навстречу хозяину, преданно улеглись у его ног, ожидая ласки. Но Михха, не сдерживая кипящего внутри гнева, швырнул багор к амбару, замер посреди двора, а затем — ударил одну из собак ногой.

Пес, жалобно взвизгнув, зазвенел цепями и юркнул под амбар. Михха постоял ещё мгновение, тяжело дыша, словно загнанная лошадь, потом опустился на землю перед амбаром.

«Что предпринять? Как заставить его унижаться передо мной?» — мысли роились в его голове, словно разъярённый рой пчёл.

Наконец в глазах Миххи вспыхнул хищный блеск; он обернулся к сараю и громко выкрикнул:

— Эй!

Спустя некоторое время из тёмной глубины сарая донеслось невнятное:

— Эх-хе!

— Поторопись! — голос Миххи стал жёстче.

Вскоре на двор вышел мужчина среднего роста, но мощного телосложения. Он протер рукой глаза и широко зевнул:

— Уже вечер? А мне казалось, что только рассвело...

Михха резко оборвал его, услышав, как хлопнула дверь. В сенях зазвучали шаги, и во двор вышла молодая женщина лет двадцати четырёх. На ней было белоснежное батистовое платье, а бледно-розовый платок обрамлял свежее, здоровое лицо. Она взглянула на Михху и улыбнулась, перебирая пряди на конце косы:

— Ах, Михха...

— Что-то случилось? — притворно ласково осведомился он.

Лукерья покачалась на каблуках, снова улыбнулась и смущённо уставилась на кончик своей туфельки:

— Тебе не стыдно? Уже трое суток тебя дома не было... А теперь вернулся — и опять в дом не заходишь...

Михха едва сдерживал раздражение, слушая её нежный голос. Он терпеть не мог, когда его отвлекали от дел. Но присутствие чужака сдерживало его от грубого ответа.

— Соскучилась?

— Да, соскучилась, — Лукерья вновь кокетливо покосилась на свой каблук, словно завлекая мужа.

— Терпела три ночи — потерпи ещё немного, — отшутился Михха.

— Смотри, чтоб недолго... — с этими словами Лукерья взмахнула длинными ресницами и скрылась в доме.

Михха раздражённо хлопнул себя по бедру:

— Слышал?

— Что? — не понял Филипп.

— Соскучилась!

— А-а...

— Она соскучилась. Для неё ничего другого и не существует. Ей безразлично, чем занят муж, как он живёт. Нет, Филипп, ты в этом смысле счастливее всех... Ты свободен, как коршун. К тебе никто не липнет. Сегодня ты здесь, завтра — на другом краю света. Сыт, пьян... Женщины есть.

— Я не хочу об этом говорить, Михаил Петрович. Во рту пересохло.

— Перебрал?

— Да... встретил друзей...

— Понимаю, понимаю... Со мной и то бывает.

Михха с силой ударил ногой в дверь сеней. Тут же появилась Лукерья.

— Вынеси! — приказал он.

— Что вынести?

— Не поняла?

Михха пристально следил за реакцией собеседника, опасаясь, что тот начнёт распространять слухи о семейных делах. Но, увидев, как Филипп беззаботно сосёт трубку, успокоился.

— Иди сюда. Сядь рядом! — властно произнёс он.

Филипп не спеша вынул трубку изо рта и сплюнул в сторону.

— Сядь! — повторил Михха.

Филипп присел чуть поодаль.

— Для тебя есть дело.

— Что нужно сделать?

— Дело небольшое. Но выполнить надо сегодня.

— Если смогу — сделаю. Почему бы и нет?

— «Если смогу»? — Михха нахмурился.

Хлопанье дверей прервало их разговор. Они замолчали, дожидаясь, пока Лукерья выйдет из сеней. Увидев, что она несёт вино, оба удовлетворённо крякнули.

— Ах, Михха, — ласково окликнула Лукерья, — почему в избу не заходите? У нас ведь есть стол. И еда готова. Пили бы пиво с мёдом...

— Мы не из тех, кто выбирает, где пить. Мы как бурлаки, да, Филипп? — полушутливо бросил Михха.

— Мне всё равно, — согласился тот.

Михха решил смягчить тон, чтобы не обидеть жену:

— Не сердись, Лукерья, что мы здесь решили выпить. Потом зайдем в избу..

Он взял из её рук рюмку с вином и, заметив, что Лукерья всё ещё смотрит на него, резко выдохнул:

— Иди уже!

Она молча скрылась в сенях.

— Ну, за успех твоего дела!

— Я ещё даже не знаю, что предстоит... Но давай, как ты говоришь.

Филипп наполнил рюмку и выпил одним глотком.

— Теперь можно и о деле поговорить.

Михха снова налил.

— Если дают — надо брать, — хрипло произнёс Филипп. Вторую рюмку он выпил медленно, затем вытер губы рукавом.

— Жить можно.

Михха опустошил свою рюмку, отставил бутылку и повалился на землю.

— Степана знаешь?

Филипп напрягся. В памяти всплыл кулак Степана и конь Миххи, оседающий в дорожную пыль.

— А-а... знаю, — выдохнул он.

— Его надо уничтожить... — прошипел Михха сквозь зубы.

— Убить? — быстро спросил Филипп, почувствовав облегчение: убийство он считал делом простым.

— Убить может и дурак, — отрезал Михха. — Тот, кто умирает мгновенно — мало страдает. Нужно, чтобы он жил, испытывая боль.

Филипп непонимающе уставился на него.

— Может, поджечь? — предположил он. Поджигать солому в тёмную ночь, когда все спят, он считал детской забавой.

Михха покачал головой:

— Поджог причиняет большой вред, но мне это не по душе. Представь, Филипп: огонь горит лишь день, а потом остаётся лишь пепел и уголь. Кому нужны зола и уголь? То же и с сгоревшим человеком. У того, кто остался голым, угасает жизненная сила...

Филипп растерянно посмотрел на Михху мутными глазами:

— Что же ты ещё придумаешь...

Михха наклонился к нему ещё ближе:

— Надо разрезать его жизнь на части. Чтобы он валялся у меня под ногами, как червь. Понял? — Он впился взглядом в глаза Филиппа, ожидая ответа. От его тяжёлого дыхания у того помутилось в голове.

— Хозяин... Я не понял, что надо сделать, — признался Филипп.

— Что делать? Вот что: у него есть конь, толстый, как бочка...

Филипп невольно отпрянул. Он знал: кража лошади — дело серьёзное. Если его поймут, живым он не уйдёт.

— Ты что, испугался? — удивился Михха. — Ну, Филипп, не ожидал от тебя. Ты, который не боится самого дьявола, испугался Степана? Значит, настал конец света. Я тебя, как самого близкого друга, кормлю, прикрываю перед чиновниками. И чем ты мне отплатил?

— Знаешь, Михаил Петрович... — начал Филипп, но махнул рукой, показывая, что разговор окончен.

— Завтра Степан должен остаться без лошади.

— Хорошо, хозяин...

— Сегодня надо сделать. Чтобы всё было готово к моему возвращению с Волги. Понял? Если справишься — жаловаться на меня не придётся. Моё слово крепко.

Михха поднялся:

— Давай зайдем, перекусим и выпьем!

И они скрылись в сених.

Глава 4

Первым предвестником утра стала ласточка. Едва небо тронули робкие лучи рассвета, она выпорхнула из гнезда, приютившегося в углу сарая. Расправив крылья, птица облетела дом, а затем опустилась на ветку орешника, чьи ветви словно шатром накрывали крышу. И тут же залилась звонкой песней, радостно приветствуя новый день.

Её трели разбудили петуха. Он взмахнул крыльями, вытянул шею и огласил округу громогласным «ку-ка-ре-ку!». Эхо подхватило крик, и вскоре соседние петухи подхватили переключку — каждый на свой лад, наполняя утро пёстрой мелодией.

— О господи! — вздрогнула Татьяна, пробудившись от сна.

— Что случилось? — приподнялся на локте Степан.

— Сон приснился... — тихо проговорила она. — Будто с луга привезли два воза сена. Один — наш конь привёз, другой — лошадь кума Максима. А трава такая яркая, зелёная... Непонятно, зачем привезли — ведь ещё не высохла...

— Зелёная трава — к горю, — помрачнел Степан.

— Не дай бог зла... — перекрестилась Татьяна. В душе шевельнулась мысль: позвать мужа в церковь прямо сейчас. Но тут же сама себя одернула: «Всё равно не пойдёт».

Между супругами давно тлея тихая размолвка: церковь. Татьяна не пропускала ни одной службы, а Степан появлялся лишь по особым случаям — на венчании, крещении или отпевании. Он не питал симпатии к священству и считал, что молиться можно где угодно. Но, не желая ссориться с женой, старался не обострять тему.

— Не стоит ломать голову над каждым сном, — мягко сказал он, выбираясь из полога. — Вон петухи кричат — пора вставать.

Утро встретило его щедрой благодатью: пение птиц, тёплый воздух, пронизанный солнечным светом. Степан замер посреди двора, вслушиваясь в звуки пробуждающейся природы. Взгляд невольно упал на ласточкино гнездо под крышей сарая. В народе говорили: эта птица селится лишь в домах добрых людей. Степан с гордостью подумал, что никогда не обманывал и не причинял зла, жил в ладу с соседями. Ласточка напомнила ему юность: бывало, возвращался домой уставшим и засыпал на лестнице перед сенями, убаюканный её песней.

— Степан, иди умойся! — ласково позвала Татьяна, выйдя во двор с кувшином и полотенцем.

Он умылся, перекрестился, обратив взор на восток. В этот момент донеслись звон колокольчиков, возгласы детей и стук копыт — возвращался ночной табун. Степан поспешил к воротам, высматривая крестника Оську. Мимо пронеслись мальчишки верхом, но среди них не было Оськи.

«Почему он сегодня опоздал? Раньше всегда возвращался первым...» — тревога сжала сердце.

Вскоре показалась вторая группа всадников — и снова без Оськи. Степан почувствовал, как внутри растёт ледяной ком беспокойства.

— Где Оська?! — не сдержал он волнения, когда ребята приблизились.

— Коня искал! Вашего коня искал! — раздался в ответ голоса. Мальчишки умчались дальше, оставив Степана в тишине, нарушаемой лишь мычанием коровы и бляением ягнёнка. Две женщины с пустыми вёдрами торопливо направились к колодцу.

Степан всё стоял у ворот, вглядываясь в дорогу. Мысли металась:

«Время пахать... Может, конь вышел на посевы, и его забрала охрана?»

Наконец он решил зайти к Максиму — ближайшему соседу и лучшему другу.

Дом Максима выглядел беднее: вместо амбара — низенькая сторожка, вместо сарая — навес, куда даже корова не могла зайти. Сам хозяин, моложе Степана годами, казался старше из-за худобы и сутулости. Характер у него был вспыльчивый, речь — резкая.

Максим, готовясь к севу, ругал сына:

— Негодяй, проспал, что ли?! Вечером велел вернуться пораньше — сеять пора! Остальные уже дома, а его нет! Хорошо, что ты вчера посеял...

— Своё посеял... Хотел помочь Прохору, — ответил Степан.

Максим вспыхнул ещё сильнее, обвиняя сына в безответственности.

— Мерзавец! Пусть только вернётся — проучу как следует!

— Пустяки, кум, — успокоил его Степан. — Он ещё мал. Вспомни, и мы в его годы засыпали в ночном, а лошади уходили на посева.

— Верно! — хлопнул себя по лбу Максим. — Подлец уснул, а коня забрал охранник. Сейчас найду и приведу!

Он уже рванул к выходу, но Степан остановил его:

— погоди, кум. Ты готовься к севу. За лошадьми сам схожу.

Оставшись один, Максим вдруг вспомнил о штрафе за потоптанные посева. «Двадцать копеек... Где их взять? Охранник двух лошадей просто так не отдаст...» Гнев вспыхнул вновь — он ворвался в дом, накричал на жену и детей. Выбежал во двор — и заметался из стороны в сторону:

— Где двадцать копеек достать?!

В этот момент к воротам подошёл Оська, ведя коня за поводья. Максим бросился к нему:

— Обоих коней привёл?

Мальчик, не поднимая глаз, тихо ответил:

— Нет...

— Что ты наделал?! Сколько раз говорил вернуться пораньше! Проспал?!

— Я не спал...

— Ха! Не спал! Где тогда конь? Наверное, ушёл на посева, и сторож забрал! Где мне деньги взять на штраф?! — Максим замахнулся и ударил сына по лицу.

Слезы хлынули из глаз мальчика. Боль от побоев была ничем по сравнению с обидой из-за того, что отец ему не поверил. Он знал: конь не у сторожа. Он действительно не спал всю ночь.

Максим занёс руку для нового удара, но вернувшийся ни с чем Степан вмешался:

— Боже мой, кум! Зачем бьёшь ребёнка?!

— Как не бить?! Врёт, что не спал, врёт, что конь не у сторожа! А где деньги взять — не знает!

— Бесполезно переживать, кум. У сторожа моего коня нет. Оська говорит, всю ночь ходил по полям — ни одной лошади на посевах не встретил.

Слова Степана ошеломили Максима.

— Я же говорил, что конь не у сторожа... — всхлипнул Оська.

— Успокойся, Оська, — мягко сказал Степан. — Кум, где бы конь ни был, найдётся. Ты иди сеять.

Обратившись к мальчику, он спросил:

— Где вы остановили табун?

— Спутали лошадей на пастбище, костёр зажгли. Ночью несколько раз проверял — обе ходили по дороге. Утром пошёл к ним: наш конь на месте, а вашего нет. Искал — не нашёл...

Максим замолчал, чувствуя вину за напрасные обвинения.

— Ладно, кум. Твой конь потерял моим сыном — надо исправить. Сам пойду искать! — решительно заявил он.

— Не надо, кум. Я сам найду. Мне не к спеху — вспашу и после обеда. Тебе сеять надо.

— Тогда возьми Оську. Вдвоём быстрее найдёте.

— Не мучай ребёнка. Пусть отдыхает. Вспомни, сколько раз мы сами возвращались без лошади? — Степан взял уздечку из рук мальчика и вышел.

Вокруг кипела сельская жизнь: мычали коровы, блеяли овцы, пастухи щёлкали кнутами. Степан встретил тех, кто шёл в поле.

«И стадо гонят, и сеять идут... А у меня нет коня», — с горечью подумал он и повернул домой.

— Где ты был? Где Машук? — спросила Татьяна, едва он вошёл в дом.

— Был у кума. Оська потерял нашего коня. Говорит, искал — не нашёл.

— Своего привёл? — уточнила Татьяна.

— Да.

— Странно... Куда же наш мог уйти?

— Может, в лес. Живот набил и спит под кустом. Ты же знаешь, как Машук любит поспать.

— Ладно. Пойдёшь пахать после полудня. Я в церковь.

— Иди. Найду коня и дожусь твоего возвращения, — сказал Степан, отрезал кусок хлеба и вышел.

Он шёл медленно, пытаясь отогнать тревожные мысли.

«Куда же он делся? Никогда раньше не убегал. Всегда рядом с лошадью Максима ходил. Может, на берег реки ушёл?»

Степан пересек поле и углубился в лес. Солнце, только что поднявшееся над деревьями, разливало тёплый свет. Песни жаворонков, красота природы понемногу рассеивали тревогу.

Остановившись, он прислушался. Тишина, лишь биение сердца в ушах.

— Машук!.. Ма-ашу-ук! — крикнул он. Лес на миг отозвался эхом, затем вновь затих. Лишь вдалеке кукушка прокуковала тринадцать раз — и смолкла. Лес погрузился в безмолвие, словно затаил дыхание.

«Неужели лишь тринадцать лет мне осталось?» — пронеслось в голове Степана, и от этой мысли по спине пробежал холодок.

Он тряхнул головой, отгоняя мрачное предзнаменование, и снова позвал:

— Машук! Ма-ашу-ук!

Спускаясь по пологой лесной опушке в долину, Степан ощущал, как тревога сжимает сердце всё сильнее. Перейдя вброд неширокую речку, он добрался до родника, что пробивался из глубины старого оврага.

Жажда дала о себе знать. Степан опустился на колени, сорвал пучок свежей травы, бросил его в прозрачную воду. Перекрестившись, трижды подул на её поверхность и, припав губами к воде, сделал несколько глотков. Утерев бороду и усы, он поднялся, чувствуя, как прохлада родника на мгновение остужает тревогу.

Дальше путь лежал мимо лесных яблонь, что росли по краям пастбища. Деревья пробудили в нём воспоминания: когда-то они были юными саженцами, а теперь их стволы покрывала сеточка трещин, ветви теряли силу. Среди буйства цветущих трав виднелись сухие, безжизненные прутья. «Так и жизнь... идёт своим чередом», — подумал Степан, и эта мысль принесла странное, почти утешительное спокойствие.

Пройдя половину пути, он обернулся и замер: над местом ночного костра всё ещё вился тонкий дымок, словно призрак минувших событий.

— Машук! Ма-ашу-ук! — голос Степана разнёсся по лесу, но ответом была лишь тишина.

«В какую сторону идти?» — спросил он себя, и тут же вспомнил народную примету: «Да будет мир, счастье на правой стороне». Не раздумывая больше, он свернул в чашу, направившись на восток.

Вскоре перед ним раскинулся сосновый бор — место, окутанное легендами. Когда-то здесь повесилась молодая девушка, и с тех пор люди избегали приходить сюда без нужды. Говорили, что по ночам слышны её плач и стоны, а иные уверяли, что видели, как из чащи на луг выходит призрачная фигура.

Степан невольно перекрестился, переступая границу бора. Он обошёл его вдоль и поперёк, но лошади нигде не было.

Выйдя из леса, он замер: на самой вершине сосны сидел чёрный ворон. Птица уставилась на него немигающим взглядом, а затем трижды зло каркнула, будто предупреждая о чём-то. Степан поспешно отвернулся и зашагал к реке.

Путь пролегал через густой зелёный луг. Степан вглядывался в траву — ещё ночью лошади проходили здесь. Сейчас луг был пуст, лишь ветер колыхал высокие стебли да стрекозы порхали над цветами.

Отчаявшись, он спустился к берегу. Пять вёрст он исходил вдоль реки, всматриваясь в каждый куст, в каждую ложбинку. Ни следа коня, ни малейшего признака его присутствия. Вернувшись к тому месту, где начал поиски, Степан присел на поваленное дерево.

Достав из кармана последний ломоть хлеба, он отломил немного, задумчиво пожевал. Поднял глаза к небу: солнце стояло в зените.

«Машук он не стал бы бродить по лесу до сих пор, — подумал Степан, пытаясь успокоить себя. — Наверняка давно вернулся».

С этой мыслью он направился домой.

Глава 5

Лукерья очнулась от глубокого сна, разбуженная тягучим мычанием голодной коровы. Она ощутила пустоту рядом.

— Муж уже встал с постели, а я и не заметила? — прошептала она, но тут же с горечью добавила: — Нет, он даже не прилёт рядом со мной...

В памяти вспыхнули картины вчерашнего вечера: двое мужчин за столом, приглушённые голоса, шёпот, полный таинственности. А потом — заявление мужа:

— Я на Волгу поеду.

Обида острым клинком пронзила сердце.

— Михха, — голос её звучал глухо, — кто тебя на ночь из дома гонит? Или думаешь, лучше спать на пыльном матрасе, чем на чистом, мягком тюфяке? Не бойся, за одну ночь ничего не случится, и лес твой никуда не денется.

Михха, как всегда, не терпел вмешательства в свои дела.

— Что уж говорить, спать рядом с женой мягко и тепло. Но толку мало. Ни богатства, ни славы этим не наживёшь. Всё моё имущество сейчас на берегу реки. Если не успеть вовремя сплавить лес — можем лишиться прибыли. Вот тогда мы будем локти кусать, вспоминая, как проводили время, лёжа в кровати.

Хлопок двери эхом отозвался в опустевшей комнате.

— Так всегда... — Лукерья закрыла глаза, пытаясь сдержать слёзы. — Зимой он в лесу, летом на Волге. Сколько ночей я провела одна с тех пор, как вышла замуж? Не сосчитаешь... Должна ли я жить, как вдова, или как хромая, слепая женщина, ничего не зная о радостях любви?

Мысли понеслись вихрем, вороша прошлое. Она пыталась вспомнить, было ли когда-нибудь иначе.

— Любил ли он меня когда-нибудь? Нет, никогда не любил. Если бы любил, не стал бы постоянно оставлять одну... Почему он так не ценит меня? Может, у него есть любимая? Может, он уходит к другой женщине?

Лукерья перебрала всех знакомых женщин, но так ни на ком и не остановилась. Что он делает вне дома? С кем общается? Михха никогда не рассказывал о своей жизни до брака. Для неё он оставался загадкой.

— Люблю ли я его? — задала она себе вопрос и тут же ответила: — Нет, и я его не люблю.

Родители устроили этот брак, стремясь породниться с богатыми людьми. Как она была привлекательна! На ярмарке девушка блистала: зелёный суконный полушубок, шаль на голове, валенки с галошами. Парни крутились вокруг, но Лукерья удостаивала разговором лишь богатых, а бедные любовались на неё издали.

— Неужели я никого не любила? — спросила она себя. И тут же вспомнила: — Был парень, который покориł моё сердце...

Воспоминания, словно туман, медленно рассеивались, открывая картину прошлого. Перед глазами возник стройный юноша.

— Где же я его встретила? — затаила дыхание Лукерья. И тут же, вспомнив, вздохнула с облегчением. Сердце вздрогнуло от радости. — Сначала на лугу, потом на сенокосе... Я помню игру...

...Молодёжь из восьми деревень собралась на праздник. Девушки закончили танцевать и скрылись в толпе. Вслед за ними в центр вышел стройный парень. Белая рубашка с вышивкой, суконные брюки, кожаные сапоги — но не одежда пленила Лукерью. Его стройное телосложение, красивые черты лица, тёплые, живые глаза — вот что заставило её сердце биться чаще. Она невольно шагнула вперёд, чтобы разглядеть его получше.

— Ну! — звонко крикнул юноша, тряхнув головой. — Веселее играй! Я буду танцевать! Посмотрим, кто выдержит дольше!

Гармонист заиграл, девушки зааплодировали. Юноша пустился в пляс — легко, стремительно, будто летел над землёй. Когда он начал отбивать чечётку, казалось, сама земля вздрагивала в такт. Он танцевал долго и красиво, пока гармонист не сдался.

— Плохой ты гармонист, Алексей! Я ещё не натанцевался! Если бы знал, что ты устанешь, не стал бы танцевать! — рассмеялся он и скрылся в толпе.

Сердце Лукерья было растрёпано, как цветок после бури. Нарушая чувашский обычай, она выскочила в центр хоровода и начала танцевать одна, не замечая восхищённых взглядов парней. В мыслях был только юноша с горящими глазами. Лукерья искала его глазами, но среди множества лиц, окружавших её, его не было...

Сенокос закончился, и Лукерья вернулась домой с образом стройного юноши в сердце. В надежде встретить его она отправилась в церковь в следующее воскресенье. Но и там его не было. Не увидела она его и на ярмарке.

Во второй раз она увидела его уже будучи замужем — в просторном доме Миххи. На голову Лукерья, как и положено, накинули белое покрывало. Она с достоинством исполняла роль хозяйки: с поклоном подавала гостям пиво, следила, чтобы кружки не пустовали.

Возле порога толпились молодые парни, оживлённо переговариваясь. И среди них — тот самый юноша, чьи черты она не могла забыть. Лукерья на мгновение замерла, затем решительно направилась к компании.

— Спасибо! Денег на пиво у меня нет, — с иронией произнёс он.

Парни вокруг засмеялись. Все поняли: он отказался не из-за денег. Сердце кольнуло острой болью.

Позже она узнала — это был Николай, сын Степана.

Время стёрло обиду, оставив лишь светлый образ того юноши, каким она увидела его впервые — на лугу.

— Я хотела бы встретиться с ним только один раз... Всего один раз... Что бы потом ни было... — прошептала Лукерья в отчаянии.

И тут же её пронзила тревожная мысль:

— Почему Николай не обратил на меня внимания? Почему муж каждую ночь оставляет меня одну?.. Неужели я такая плохая, негодная?..

Ей вдруг захотелось увидеть себя. Она сбросила одеяло, быстро встала и подошла к зеркалу. Отражение показало ей красивую, стройную женщину.

— Катерина! — окликнула она служанку.

Перед ней появилась молодая девушка.

— Что угодно, Лукерья Семёновна?

— Скажи Егору, пусть придёт скорей!

— Сейчас, Лукерья Семёновна!

Лукерья вернулась в постель, укрывшись одеялом и замерла в ожидании. Вскоре скрипнула дверь — вошёл молодой человек лет двадцати семи. Он явно нервничал. За всё время службы его ни разу не звали в избу.

«Зачем я ей понадобился? — крутилось у него в голове. — Не натворил ли я чего случайно? Иногда сам не замечаешь, что делаешь, а хозяева всё видят...»

Он замер у порога, ожидая указаний.

Дом Миххи был просторным: двенадцать аршин в длину. Справа, под иконами, стоял дубовый стол, на нём — медный самовар, который доставали лишь для дорогих гостей. На стене висели часы и большое зеркало, повсюду — вышитые полотенца, подаренные на свадьбу. У стены чулана красовались портреты царя Николая и его супруги.

Лукерья заметила смущение Егора и, выдержав паузу, окликнула:

— Кто там? Егор, что ты там делаешь? Иди сюда!

Егор, удивлённый и испуганный, не решался шагнуть вперёд.

— Что там делаешь, что сюда не идёшь? — повторила она.

Наконец он переступил порог и застыл, словно вкопанный. Его смутило, что хозяйка лежала на спине, приоткрыв грудь.

Лукерья это понравилось: «Значит, я его задела...»

— Ах, Егор... Я очень тяжело больна... У меня всё болит... — произнесла она стонущим голосом.

— Позвать старуху-гадалку? — испугался Егор.

— Нет, не надо мне гадать...

— Значит, схожу к лекарю!

— Не уходи, лекарь мне не нужен!

Егора терзала тревога — казалось, он никак не может угодить хозяйке. Он замолчал, растерянно застыв на месте, не в силах придумать, что сказать дальше.

— Ах, Егор... — вновь простонала Лукерья, её голос дрожал, словно натянутая струна. — Говорили, что ты умеешь лечить живот. Посмотри, какая там у меня болезнь... Как её лечить? Иди же, тебе говорят...

«Кто это про меня солгал?» — мелькнуло в голове у Егора. Он поспешил оправдаться:

— Нет, Лукерья Семёновна, такими делами я никогда не занимался.

Но хозяйка, будто забыв о мучившей её боли, вдруг хитро улыбнулась, пристально глядя на него:

— Не говори этого, Егор... Никто не поверит, что ты не умеешь массировать живот. Ты мужчина? Если сможешь вылечить, то получишь золото...

Егор взгляделся в её лицо — и всё мгновенно стало ясно. В душе всколыхнулась бурная волна мыслей:

«Как же я не догадался? Слышал же, что барыни соблазняют слуг... Оказывается, эти байки — не ложь...»

Его охватило возбуждение. Перед глазами замаячили радужные перспективы:

«Мне не нужно ничего особенного, чтобы разбогатеть и прославиться. Я больше никогда не буду слугой. И Миххе несдобровать. Пусть он будет жестоко наказан за издевательства над бедняками...»

Но в этот миг тишину разорвал звон церковного колокола. Лукерья резко вскочила с постели, словно её ударило током.

— Иди, запрягай коня! Сейчас поедem в церковь!

Егор оцепенел. Его поразило, как мгновенно переменялась хозяйка — страх словно смыл с её лица всё прежнее выражение. Он замер, охваченный отчаянием. Мечты, только что кружившие голову, рассыпались, как дым на ветру.

— Я тебе сказала, иди, запрягай коня! Сейчас поедem в церковь!.. Катерину зови, пусть сюда бежит! — повторила Лукерья с настойчивостью, от которой невозможно было отмахнуться.

Наконец Егор очнулся. Молча, не проронив ни слова, он поспешно вышел из комнаты.

Лукерья тоже постепенно приходила в себя. Услышав звон колокола, она испугалась того, что могла сотворить. А теперь, кажется, сделала ещё одну глупость. До сих пор она никогда не выезжала из дома без мужа — и сегодня вовсе не собиралась никуда отправляться. Но кучер, видимо, уже взялся за дело...

В переднюю хату вошла Катерина, опустив глаза. Тихо, почти шёпотом, она спросила:

— Что делать, Лукерья Семёновна?

— Поди-ка, скорее выжми прыщи! — приказала Лукерья.

Для Катерины это было почти ежедневным испытанием. Она терпеть не могла эту работу, но отказаться не смела. С трудом переборов отвращение, она двумя большими пальцами выдавила прыщи и поспешно отошла в сторону.

Лукерья поднялась с постели и подошла к зеркалу. Потирая щёки, внимательно всмотрелась в своё отражение. Увидев, что кожа стала чистой, она удовлетворенно кивнула:

— Хорошо... Ну, иди-ка, узнай, Егор скакуна запряг? Если запряг — придёшь, скажешь. Катерина молча вышла.

Лукерья умылась, начала одеваться. Надела шёлковое платье, туфли, снова приблизилась к зеркалу.

Вскоре вернулась Катерина:

— Конь запряжён.

— Ладно... — кивнула Лукерья. — Заплети...

Ловкими, привычными движениями пальцев юная Катерина искусно заплела волосы хозяйки в две ровные косы.

— Всё, взгляните в зеркало! — с радостной улыбкой произнесла она, не скрывая гордости за свою работу.

Лукерья торопливо прикоснулась к косам, внимательно оглядела себя и одобрительно кивнула:

— Молодец.

Затем она повязала на талию передник, искусно сотканный из монет, и надела хушпу.

— Кушать будете? — поинтересовалась Катерина.

— Ты что, забыла о Боге? Кто ест перед тем, как идти в церковь? — строго отозвалась Лукерья.

Она сняла с вешалки одежду, стремительно облачилась, на ходу застёгивая пуговицы.

— Если Михха вернётся раньше, передай: я отправилась на утреннюю службу.

У крыльца ожидал чёрный скакун, запряжённый в тарантас. Егор, крепко вцепившись в вожжи, сидел на своём месте.

Лукерья, сопровождаемая мелодичным звоном серебра, вышла из сеней и с лёгкостью вскочила в тарантас.

— Поехали!

— Открой ворота! — скомандовал Егор слуге, который держал коня под уздцы.

Как только ворота распахнулись, Егор слегка ослабил вожжи — и скакун рванулся вперёд. Проехав по главной улице и миновав ворота, он снова опустил вожжи. Мысли Егора невольно вернулись к утренним событиям.

«Вот и слушай её... Только что стонала, уверяла, что больна, а теперь вскочила в тарантас легче кошки. Нет, не похожа она на добропорядочную женщину», — размышлял он.

Сжав вожжи крепче, Егор хлестнул коня.

Лукерья старалась отвлечься от суетных, блудных мыслей, переключиться на заботы о семье. Но тщетно — утренние события не отпускали её.

«Уже поздно сетовать на происходящее. Сегодня я совершила два несправедливых поступка. Не знаю, как отреагирует муж на то, что я отправилась в церковь одна. И снова я испугалась колокольного звона... Погоди, почему снова?»

Мысли перенесли её в прошлую весну, когда они гостили у священника. В саду, в беседке, увитой вишнёвыми ветвями, они пили вино. Михха, захмелев, не обращал внимания на молодую супругу. Не в силах слушать его бессвязную болтовню и пьяное ворчание, Лукерья покинула беседку и направилась в яблоневый сад.

— Так нельзя, Лукерья Семёновна, — внезапно раздался мужской голос.

Священник, пошатываясь, пробирался между деревьями вслед за ней.

— Так нельзя, Лукерья Семёновна, — повторил он.

— Что именно нельзя? — недоумённо спросила она.

— Как вы могли нас оставить? Там пир, там веселье! Смотрю — вас нет...

— На пиру стало душно, я вышла прогуляться.

— Лукерья Семёновна, вы украшаете мой мир. Вы ушли — и красота исчезла.

Священник вздохнул и перешёл на шёпот:

— Чувствую, Лукерья Семёновна, Бог знает, чувствую... Вы несчастливы... Солнце выросло вас, как цветок мака. Страшно, что вы засохнете, словно в дремучем лесу...

Почувствовав на щеке его горячее дыхание, Лукерья воскликнула:

— Батюшка, побойтесь Бога!

«И тогда я испугалась. Что было бы, если бы не испугалась?» — пронеслось в её мыслях.

Ей не хотелось развивать эту мысль, но воспоминания согревали сердце.

«Наверное, я не такая уж плохая женщина, если столько людей пытались ухаживать за мной...» — подумала она, и настроение её вновь улучшилось.

В это время дорога стала ухабистой, тарантас затрясло на кочках. Лукерья не сдержалась:

— Не гони!

Егор обернулся:

— Не сердитесь, Лукерья Семёновна, я тороплюсь доставить вас в церковь... Забыл, что у вас болит живот.

Лукерья побледнела.

— Мой живот Бог исцелит. Смотри, чтобы твой болтливый язык не отрезал!

— Эх, хозяйка, кому нужен мой язык? — отозвался Егор.

Лукерья уловила в его словах иронию, но вместо гнева ответила шуткой:

— Да ладно... не смейся... кто смеётся над больными?

— Лукерья Семёновна, я и не думал смеяться. Как я могу над вами смеяться? — Егор тихо улыбнулся.

— Лучше держи язык за зубами!

Так, перебрасываясь словами, они незаметно добрались до места.

Егор прогнал коня рысью через село и остановил скакуна у главных ворот церкви.

— Поставь лошадь во двор батюшки, — распорядилась Лукерья.

Она с прежней лёгкостью спустилась с тарантаса, взглянула на церковь, перекрестилась и через калитку вошла во двор. Двор был пуст.

«Я опоздала сегодня», — подумала она.

Остановившись перед церковными сенями, она снова перекрестилась. Ступив на главную лестницу, поднялась на крыльцо.

Лукерья медленно закрыла за собой дверь, прижалась к левой стене и вместе с остальными благоговейно перекрестилась.

Когда в алтаре зазвучала молитва, сердце Лукерьи дрогнуло. Ей показалось, что сегодня голос звучит ещё ближе, хотя она слышала его на каждом празднике. Лукерья опустила на колени, кланялась, непрестанно крестясь. Встав, она, не глядя на прихожан, бочком пробралась к церковной лавке.

— Дядя Пётр, дайте мне три свечки.

— По рублю?

— Да, — ответила она, доставая из кармана три серебряные монеты.

Он извлёк из отдельного ящика три свечи.

— Ты одна приехала? Михаил Петрович не с тобой? — поинтересовался церковный староста.

— Времени у него нет, — коротко ответила Лукерья, отходя от него.

— Дай бог... Дай бог исцеления... — пробормотал староста, не отрывая сожалеющего взгляда от трёх свечей, оставшихся в ящике.

Лукерья пробиралась вперёд сквозь толпу, и с каждым шагом звон монет на её головном уборе становился всё отчётливее.

— Не жена ли Миххи? — шепнула одна женщина, слегка толкнув соседку.

— Она. Кто ещё... — последовал негромкий ответ.

По мере того как Лукерья продвигалась вглубь храма, голоса вокруг нарастали.

— Жена Миххи приехала.

— И из людских слёз деньги делают!

Лукерья не улавливала этих слов. Она вышла вперёд и зажгла свечу перед величественной иконой справа. Опустившись на колени, поклонилась, а затем, поднявшись, поднесла огонь к ещё одной свече — перед образом на алтарной стене.

Когда она направилась к другой стороне алтаря, чтобы зажечь третью свечу, священник взмахнул кадилом. Их взгляды пересеклись. Толстые губы попа тронула быстрая улыбка. Лукерья ответила взглядом, но, не желая раскрывать своих намерений до конца, тотчас опустила глаза. Священник, вновь обратившись к алтарю, взмахнул кадилом и вознёс голос:

— Господи Боже! — запел он звонко и ясно.

Лукерья, не чувствуя земли под ногами, поставила последнюю свечу перед очередной иконой и опустилась на колени. Перекрестившись, припала лбом к полу. В молитве она пыталась привести мысли в порядок, но звучание голоса священника в ушах сбивало её с толку. Она вновь подняла голову.

Священник не прятал взгляда — смотрел на Лукерью открыто, будто и не опасался, что прихожане заметят эту молчаливую переключку глаз. А она, словно хитрая лисица, выслеживающая добычу, чуть склонила голову, всматриваясь в его лицо. Ей так нужно было увидеть снова эти глаза — тёплые, участливые, будто обещающие молчаливое понимание.

Глубокий вдох — и она поднялась с колен. Взгляд невольно метнулся к иконе, но это было лишь уловкой: Лукерья изо всех сил старалась избежать новой встречи с глазами священника.

Тем временем священнослужитель, размеренно размахивая кадилом, скользил взглядом по мужским рядам. В мыслях его зрела тревожная догадка: «До сих пор они являлись вместе... Если нынче она одна — значит, между ними пробежала тень. Что же случилось?»

Но раздумывать было некогда — служба шла своим чередом, и ему надлежало следовать её неумолимому ритму.

— Миром господу помолимся! — возвестил он с прежней ясностью.

Хор на клиросе подхватил:

— Господи помилуй!

Прихожане крестились, кланялись, погружаясь в собственные думы.

Татьяна, жена Степана, молилась, не замечая ни Лукерьи, ни стоящих рядом женщин. Сначала она испросила у Бога прощения за то, что муж не посещает церковь. Затем взмолилась о здоровье и счастье для сына, просила оберегать скот и дом. В сосредоточенной молитве она пропустила окончание утренней службы.

Лукерья попыталась выйти из церкви вместе с остальными, но у выхода столкнулась со старостой.

— Лукерья Семёновна, как же Михаил Петрович сегодня не пришёл? — спросил он, склонившись в пояс.

— Михха занят, — ответила Лукерья, гордо вскинув голову.

— И как он всё успевает? Пока Волга полноводна... Собирает неисчислимое количество хлеба и отправляет в города. Больше половины земель в его руках — надо всё сделать, всё успеть...

— Хочешь жить — успеешь. Кто это делает за него? Он везде сам, — отрезала она.

Заметив, что Лукерья собирается уйти, староста поспешно спросил:

— Лукерья Семёновна, где вы остановились?

— Коня поставила у батюшки...

Он не дал ей закончить:

— Зайдёте к нам на чашечку чая? — торопливо выпалил он. — Жена очень хочет вас видеть. Раньше, когда жива была тёща, вы всегда к нам заходили.

Чувствуя приближение священника, староста не успел завершить фразу. Лукерья слегка повернулась к попу и склонила голову.

Священник возложил крест на её лоб и положил руку на её ладонь.

— Приветствую, Лукерья Семёновна. Очень рад вашему приезду. Пожалуйста, перед обедней загляните к нам, выпьем хотя бы стакан чая.

Лукерья замерла на месте, чуть поскрипела каблуком и растерянно произнесла:

— Я коня поставила у вас во дворе...

— Очень рад, Лукерья Семёновна, пойдёмте, пожалуйста, — с тёплой улыбкой пригласил батюшка и направился к двери.

Лукерья последовала за ним.

Староста, оставшись в одиночестве, лишь кивнул головой.

Двор церкви был полон народу. Молодёжь весело переговаривалась — они пришли сюда не для молитвы, а в поисках пары. У сторожки собрались пожилые мужчины: курили, обсуждали житейские дела. Женщины расположились на траве — судили соседей, хвалили или ругали друг друга, выражали одобрение своим мужьям, дочерям и сыновьям.

Их внимание привлёк священник, шедший рядом с Лукерьей.

— Посмотрите на жену Миххи.

— Уже в гости к батюшке направилась.

— Муж сегодня не пришёл...

— Какой роскошный платок!

— А рубаха-то!

— Как она носит столько серебра? Наверное, шея болит!

Войдя в сад священника, Лукерья остановилась. Свежий воздух после духоты церкви показался ей необыкновенно сладким.

— Ах, у вас тут такой аромат! — нежно проговорила она.

Священник закрыл калитку.

— Отчего бы саду не благоухать, Лукерья Семёновна? Все деревья в соку. Цветки расцветают, и множатся, множатся. Знаете, Лукерья Семёновна, когда есть сок, всякая жизнь прекрасна. Когда сок иссякает, то и жизнь, и красота исчезают.

Слова священника пробудили в Лукерье привычные размышления. Она вздохнула:

— Да, батюшка...

Заметив, что лицо Лукерьи помрачнело, священник продолжил:

— Вообще-то, человеческая жизнь подобна природе.

— Почему? — спросила она с волнением и лёгкой досадой.

— Почему, Лукерья Семёновна? В молодости любой человек прекрасен, и его юности, бывает, кто-то завидует. А с возрастом красота увядает. Сейчас вы прекрасны, как цветок мака. Через четыре-пять лет вы станете другим человеком.

Поняв, что эти слова неприятны Лукерье, он поспешил добавить:

— Пожалуйста, не сердитесь, Лукерья Семёновна, я не хотел вас обидеть. Вы самая красивая среди своих ровесниц, но я лишь хотел сказать, что и вы не останетесь такой, как в молодости.

— Зачем сердиться, батюшка? Вы правду сказали. У каждого своё время, — спокойно ответила она.

— Вы совершенно правы, Лукерья Семёновна. Мне и возразить нечего. Но об этом нельзя забывать, на мой взгляд.

Внезапно Лукерью осенила смелая мысль. Она взглянула на священника с нескрываемым призывом в глазах:

— Батюшка, вы и думать забыли про нас?

— С чего бы это? — слегка обиделся поп.

— Когда вы последний раз были у нас?

— Да, с тех пор прошло немало времени... Честно говоря, Лукерья Семёновна, я даже не знаю, когда к вам можно прийти. Михаила Петровича всегда нет дома...

— Хотите сказать, что если Миххи нет, то дом пуст?

— Нет, я не это имел в виду... Пока хозяина нет...

— По-вашему, кто я? Не хозяйка ли?

— Хозяйка...

— Значит, батюшка, я вас сегодня приглашаю к себе в гости!

— Ладно ли будет?.. — засомневался священник.

— В этом нет ничего неприличного, Вениамин Маркович. Вы знаете, что для проповедника дверь в дом всегда должна быть открыта. А ещё мне очень хочется послушать рассказы о жизни святых...

На этом их разговор прервался — они достигли порога. В доме их встретила жена священника.

Глава 6

По дороге домой Лукерья пребывала в приподнятом расположении духа. Взгляд её, устремлённый на Егора, был надменным, почти пренебрежительным. Кучер решил: утренний эпизод в избе — не более чем шалость хозяйки, и не стоит об этом думать. Лукерья же не могла избавиться от тревоги: а вдруг Егор разнесёт по деревне дурные слухи? Едва тот спрыгнул с тарангаса, она резко бросила:

— Коня распряги и зайди в избу!

Катерина, завидев возвращение хозяйки, отложила вышивку и поспешно встала. Лукерья, переступив порог, окинула девушку пристальным взглядом:

— Хозяина нет?

— Нет, — сдержанно ответила та.

Лукерья вглядывалась в лицо Катерины, пытаясь прочесть её мысли. Ей чудилось, будто девушка догадывается о её нескромных помыслах. Тяжёлый вздох вырвался из груди хозяйки. Ей захотелось расположить к себе служанку, и, приняв облик кроткой благодетельницы, она достала из чулана рубаху, фартук и платок.

— Бери. Я давно за тобой наблюдаю: работаешь усердно, язык держишь в узде. За это дарю тебе небольшой подарок. Не желай мне зла.

— Спасибо, Лукерья Семёновна... — склонила голову Катерина.

Продолжая разыгрывать роль милостивой хозяйки, Лукерья добавила:

— Теперь ступай домой. Сегодня воскресенье, ты уже достаточно потрудились.

Катерина торопливо собралась и покинула избу, спрятав подарок под фартуком. В сенях она едва не столкнулась с Егором.

В душе кучера вновь затеплилась надежда — ведь хозяйка велела ему войти в дом. «Для чего зовёт, если не ради распутства?» — метались мысли.

Стараясь не выдать смущения, как это было утром, он переступил порог избы. Но взгляд Лукерьи оставался столь же холодным, как и по пути домой. Егор невольно замер в углу.

— Пришёл? — бросила Лукерья и, не дожидаясь ответа, направилась на кухню. Вскоре она вернулась с рюмкой водки и кружкой пива.

— Сегодня ты вовремя доставил меня в церковь. Ты заслужил угощение. Выпей за здоровье хозяйки!

Егор не заставил себя упрашивать.

— Ещё налить? — спросила Лукерья.

Надежда вспыхнула в сердце кучера с новой силой.

«Вот оно! Глядит на меня, словно волчица!» — пронеслось в его мыслях.

Лукерья наполнила ещё одну рюмку водки и кружку пива. Егор, желая придать себе смелости, осушил их до дна.

— Ну, иди, отдыхай! — приказала хозяйка.

Егор растерялся, полагая, что это какая-то ошибка.

— Что стоишь? Я сказала — уходи!

Не проронив ни слова, он вышел, хмуро опустив голову.

Но недолго бродил Егор по двору. Хмель разгорячил кровь, взбудоражил разум. Внезапно он ощутил себя непобедимым, бесстрашным, способным одолеть любого. Резким движением он ударил себя ладонью по лбу:

— Какой же я дурак! Кисель! Утром она намекнула: «Ты же мужчина». А я стоял, словно чучело для отпугивания ворон. Ждал, что она сама ко мне придёт. Да где это видано, чтобы женщина сама шла к мужчине?

Разум Егора затуманился.

— Нет, Лукерья Семёновна, ты ошибаешься... Я не дурак и не кисель. Я — мужчина!

Когда Егор вновь переступил порог избы, Лукерья невольно содрогнулась. Она мгновенно поняла, в каком он состоянии. Если бы не предстоящий визит священника, возможно, она и приняла бы его. Но теперь нужно было как можно скорее избавиться от пьяного кучера.

— Ты чего? Что тебе нужно?! — резко спросила она.

— Чему же ты удивляешься, Лукерья Семёновна? — хихикнул Егор. — Ты ведь прекрасно понимаешь, зачем я пришёл...

Слова его взорвали в душе хозяйки вихрь негодования.

— Дурак, уходи отсюда!

Но Егор уже не слышал её. Смеясь и бормоча что-то невнятное, он двинулся к Лукерье.

— Не трать сладких речей понапрасну, Лукерья Семёновна. Я всё равно не уйду. Я — мужчина, как ты сама говорила...

Лукерья метнулась за стол.

— Уходи! Если не уйдешь, закричу!

— Кричи, если голоса не жаль! Я ничего и никого не боюсь. Вот какой я мужчина!

Егор бросился за Лукерьей. Схватил её, прижав между углом стола и стеной.

— Отпусти, разбойник! — закричала она, пытаясь вырваться.

— Всё равно не вырвешься. Я — мужчина, ты сейчас это узнаешь! — с этими словами он рванул её к себе.

Внезапно Лукерья вцепилась зубами в руку Егора. От острой боли он громко застонал. В тот же миг туман в его голове рассеялся — перед ним стояла не женщина, а разъярённая волчица, готовая перегрызть горло любому, кто осмелится встать на её пути.

— Дурак! — грозно выкрикнула Лукерья. — В Сибирь захотелось?! Что ж, можно отправить тебя! Ты же разбойник!

Трезвея на глазах, Егор осознал всю безобразность своего поступка. Сердце его сжалось от страха.

Лукерья, видя, что кучер пришёл в себя и усмирён, смягчила тон. Она понимала: раздувать скандал ей невыгодно.

— Счастье нужно ловить вовремя, сынок. Было в руках — да сквозь пальцы ушло... Всё, что здесь произошло, останется между нами. Помни: вместе с языком и голову можно потерять! А теперь ступай и ложись спать.

Опустив голову, словно побитая собака, Егор покинул избу.

Глава 7

Татьяна возвращалась домой в умиротворённом состоянии. Воскресенье — день покоя, и то, что муж сегодня не отправился пахать, наполняло её душу тихой радостью: работать в святой день — великий грех.

Но едва переступив порог, она ощутила лёгкую тревогу: Степана дома не было.

Не теряя времени, Татьяна повесила над очагом котёл и разожгла огонь. Пока вода не закипела, решила отыскать мужа, однако во дворе его не оказалось. Сердце сжалось от недоброго предчувствия. Присев за стол, она попыталась собраться с мыслями:

— Где же он?.. Может, пообедал да отправился пахать? Неужели ушёл, не дождавшись меня?

Тут она вспомнила, что, возвращаясь из церкви, даже не взглянула, на месте ли телега. Бросилась проверить — телега стояла там же, где и раньше.

— Степан!.. Степан! Где ты?! — её голос дрожал, разносясь по двору.

Она распахнула калитку гумна, обошла все закоулки — мужа нигде не было. Тревога нарастала, словно волна, готовая захлестнуть её целиком.

— Вот где он?.. Торопился пахать, а теперь где-то пропадает... Не слышал, как колокола звонили? Я уже из церкви вернулась, обед приготовила, а его всё нет. Может, к куму пошёл?

Решительно направившись к дому Максима, Татьяна замерла у открытой двери конюшни.

— Где Машук? — прошептала она, заглядывая внутрь.

И тут её осенило: ведь Степан ушёл искать коня!

— Как же я об этом забыла... Наверное, до сих пор ищет. Где же наш Машук? Он никогда раньше не уходил один...

Она вышла на улицу, прошлась по переулку, надеясь увидеть мужа. Вернулась в дом, попыталась взяться за рукоделие, но пальцы дрожали, не в силах удержать иголку.

Наконец, когда солнце уже склонилось к закату, Степан переступил порог.

— Нашёл? — выпалила Татьяна, едва увидев его.

Степан удивлённо взглянул на жену. В его мыслях Машук уже давно должен был быть в сарае.

— Его ещё нет?.. Да ладно! Я-то думал, он уже дома...

— Не нашёл?

— Нет, не нашёл... Думал, он вернулся, — повторил Степан, умолкая.

Тишина повисла между ними, тяжёлая и гнетущая. Слова застряли в горле, а в головах роились тревожные мысли.

Спустя долгое время Татьяна нарушила молчание:

— Это не к добру. Если наш конь никогда прежде не уходил один, зачем ему это делать сегодня? Не верю, что он бродит где-то в лесу... Беда случилась...

Степан и сам думал так же, но старался сохранить надежду:

— Не переживай раньше времени. Может... — вдруг в его сердце затеплилась спасительная мысль, — Машук перешёл через реку, а там его задержал луговой сторож. Такое бывает. Я ещё не искал на лугу, даже к охраннику не заходил.

Однако слова мужа не принесли Татьяне успокоения. В голосе её звучала горечь:

— Степан, не старайся напрасно меня утешить. И себя не обманывай. Конь никак не мог перебраться через реку — там легко увязнуть в иле.

Она схватила мужа за руку, в глазах вспыхнула искра надежды:

— Давай сходим к гадалке. Может, она подскажет, где наш Машук.

— Если хочешь, сходи к гадалке сама, Татьяна. Мне кажется, конь где-то за лугом. На реке есть перекаты, лошади часто перебегают по ним. Я ещё загляну к куму. Говорят, один ум — хорошо, а два — лучше, — произнёс Степан и вышел за дверь.

Глава 8

Спустя час после завершения сева Максим вернулся домой. Пообедав, он прилёг отдохнуть на телегу, оставленную посреди двора.

Весеннее солнце ласково грело, разливая по земле золотистые лучи. Сердце Максима пело: он не испытывал ни капли сожаления, что завершил сев на день позже Степана. Ведь в Энешкасси больше никто не успел закончить посевную!

Но тут в душу закралась тень. Он вспомнил, что кум согласился вспахать и засеять земельный пай Прохора. И настроение тут же омрачилось. Да, с одного пая тому выйдет всего два воза сена — но их хватит, чтобы кормить телёнка или трёх ягнят всю зиму. Разве этого мало?

Максим тоже грезил о белой избе. Но удача словно обходила его стороной. Те, у кого не было лошади, всегда находили помощь у тех, кто мог предоставить тяговую силу. Вот и Прохор обратился к Степану. А Максима никто не попросил... «Степану всегда везёт», — с лёгкой горечью подумал он.

Вдруг его размышления прервал звук шагов, приближающихся к воротам. Максим поднял голову и невольно замер: во двор входил Степан.

«Что привело его сюда? — мелькнуло в голове. — Кум не из тех, кто бродит по деревне в разгар работ...»

Он опустил ноги с телеги и привстал. Когда Степан подошёл ближе, Максим с любопытством спросил:

— Ты что, на пашню не пошёл? Решил воскресенье почтить?

— Не... Для меня в дни пахоты нет выходных, я собирался в поле. Только вот коня не нашёл... — глухо ответил Степан.

— Да ты что?! — вырвалось у Максима.

Он спрыгнул с телеги. Весть о том, что конь до сих пор не найден, отозвалась в сердце глухой болью. И тут же стало стыдно: как же он мог завидовать куму в такой момент?

— В лесу его нет, нигде не нашёл, — продолжил Степан.

— Очень странно, кум... Куда же он мог уйти? В лесу искать бесполезно, это понятно.

— Не знаю... Может, луговик забрал?

— Может быть. Лошади порой переходят реку. Я сам к луговику съезжу! — решительно заявил Максим.

Сочувствие к Степану разгоралось в нём всё ярче, укрепляя намерение помочь в поисках. Но Степан не хотел обременять друга:

— Сам пойду к охраннику.

— Когда ты туда пешком доберёшься? Пять вёрст до их деревни! Я быстро домчу, да ещё попутно луга объеду. Кто знает, может, конь где-то там пасётся? — настаивал Максим.

Он уже принялся запрягать лошадь.

— Ведь твой конь только что вернулся с пашни... — попытался возразить Степан.

— Ничего, — махнул рукой Максим. — Завтра весь день отдыхать будет. На сев уже не надо.

— Хорошо, езжай, — мягко улыбнулся Степан, ощущая разливающуюся на душе тёплую волну благодарности. — Я опять в лес схожу.

— Иди, кум. Где бы конь твой ни был, всё равно найдём! — уверенно произнёс Максим, затягивая упряжь.

Глава 9

Оставшись в одиночестве, Татьяна бережно вынула белоснежный холст, аккуратно свернула его и направилась к дому гадалки.

Васухха обитала в уединении — в невысоком, почерневшем от времени домике на самом краю улицы. Ветхий плетень едва сдерживал буйную поросль крапивы и лебеды, окутавшую двор. В центре, словно немой страж, стояла старая берёза. Её ветви давно иссохли, лишь кое-где трепетали жалкие клочья листвы — последнее свидетельство того, что дерево ещё цепляется за жизнь. На оголённых сучьях зловеще болтались черепа животных, отпугивая случайных прохожих и недвусмысленно напоминая: здесь живёт та, что ведаёт тайное.

По деревне бродили жуткие слухи. Говорили, будто Васухха летает верхом на метле. Шептались, что она — колдунья. Покосившаяся калитка низкого забора резко скрипнула, пропуская Татьяну во двор. Она вздрогнула, испуганно перекрестилась при виде сухой берёзы и лишь потом шагнула к двери.

Переступив порог избы, Татьяна тотчас окунулась в густой туман табачного дыма и затхлого запаха гнили. Воздух был настолько тяжёлым, что женщина закашлялась, едва сделав пару шагов.

— Кто пришёл? — раздался из-за печи хриплый, словно проржавевший голос.

— Я... — начала Татьяна, но снова задохнулась в приступе кашля. — Я это...

— А-а... — Васухха вышла из-за печи, шаркая лаптями и не выпуская из зубов трубку. Остановилась посреди избы. — А-а... Ты. Добро или зло ты принесла в мой дом?

— Тётя Васухха, тётя Васухха, нас постигла большая беда, — выговорила Татьяна. — До сих пор не нашли лошадь, пропавшую ночью. Что случилось? Куда она могла уйти?

— А-а... — снова прохрипела гадалка. — Поняла, поняла.

— Ты великая гадалка, тётя Васухха, от твоего глаза ничего не укроется. Разгадай загадку, пожалуйста, — Татьяна, всё ещё давясь кашлем, протянула свёрток с холстом — дар за предсказание.

— А-а... — Васухха отложила трубку, схватила холст. — Холст тонкий, холст хороший, но этого мало. Конь — большой скот.

— Не обижайся, тётя Васухха. В спешке больше ничего не нашла. Если получится найти коня, принесу ещё что-нибудь.

— А-а... Не забывай о благотворительности — от её размера результат сильно зависит.

— Никогда не забуду твоей доброты, тётя Васухха, если коня сможешь найти.

— Поживём — увидим! — бросила гадалка и, развернув ткань, небрежно швырнула её на лавку.

У Татьяны защемило сердце: её тонкий, ослепительно белый холст утонул в копоти и пыли, словно ненужная тряпка.

Васухха уселась верхом на скамью, обвила её ногами и вытащила из-за пазухи какой-то предмет. Держа за нить, на которую были нанизаны кости, она медленно опустила их почти до пола и зашептала непонятные слова.

— Как, тётя Васухха, видишь? — не выдержав, торопливо спросила Татьяна.

— А-а... Ви... Ви...

— Что видишь?

— Всё вижу, — не отрывая взгляда от костей, ответила гадалка.

— Тётя Васухха, у меня сейчас сердце выскочит... Расскажи скорее!

— Ветер торопится, думает, сестричка... Приливы и отливы умеренные... Ветер неустойчивый... Ветер должен дойти до края света и повернуть обратно. Человеку не нравится

спешка. Человек — существо, ходящее по земле. На Земле очень много впадин. Можно и споткнуться...

— Не раздражай меня, тётя Васухха...

— Я тебя раздражаю, сестричка?

— Я не хотела этого говорить, — поспешила оправдаться Татьяна. — Я просто хотела сказать, что у меня горит сердце. Коня мы потеряли.

— А-а... коня?.. — прохрипела гадалка, будто только сейчас вспомнила, зачем пришла гостя.

— Коня, тётя Васухха, коня, — повторила Татьяна.

— А-а... — Васухха снова устала на кости. — Вижу... Вон у вас лошадь ходит...

— Где?

— Вон через лес, через пустыню. Ржёт ваша лошадь... Льёт слёзы... Кончено... Пропала! — гадалка замолкла, покачала костью и взглянула на Татьяну. — Ваш конь в твёрдой руке, сестра. Стоит в конюшне за двенадцатью железными дверями...

— Скажи-и-и, — простонала Татьяна, — где же её искать?

— Идите на восток и ищите... Если не найдёте там, ищите на западе. Читайте дальнюю молитву и поставьте свечу... Если дар будет принят, то будет счастье...

Васухха перекинула ногу через лавку, встала и снова сунула в рот трубку, лежавшую у печи.

Татьяна поняла: больше ей здесь делать нечего. Вытерла платком горькие слёзы.

— Господи, — вздохнула она ещё раз. — Приходи к нам в гости, тётя Васухха, — сказала она на прощание.

— А-а... Посетила бы я вас, сестрёнка, да ноги мои стали тяжелы. Бабушки и дедушки мои меня к себе зовут. Готовлюсь к переходу в мир иной.

Татьяна вышла из избы, словно угорев в жаркой бане. На свежем воздухе она пыталась осмыслить услышанное, но в голове крутились лишь обрывки слов гадалки.

Вернувшись домой, Татьяна вспомнила о наставлениях ворожеи и решилась приступить к дальней молитве. Она достала чистую рубашку, принесла ведро с водой и пошла в конюшню. Разделась, облилась с головы до ног, надела чистое и вернулась в избу. Взяв двадцать копеек серебром, опустила на колени перед иконой.

— Николай-угодник, обещаю тебе в День святого праздника поставить самую большую свечу... Помилуй, не оставляй нас... Помоги найти лошадь... — Татьяна коснулась лбом пола, поднялась и положила монету перед иконой.

Глава 10

Степан вернулся домой лишь на заходе солнца. В сердце ещё теплилась робкая надежда: может, конь уже во дворе? Он медленно обошёл подворье, толкнул дверь конюшни — и вдруг ноги отказались ему служить. Опустившись на ступеньки сеней, он замер, поглощённый усталостью. Спустя миг, с трудом поднявшись, переступил порог избы.

— Не нашёл? — голос Татьяны дрогнул, едва она увидела его лицо.

— Нет, не нашёл... И кум Максим... — выдохнул Степан, не поднимая глаз.

— Боже мой, Степан... Это не к добру. Гадалка тоже ничего хорошего не сказала... — слёзы хлынули из глаз Татьяны.

— Пожалуйста, Татьяна, не отчаивайся, — он попытался придать голосу твёрдость. — Съездим с кумом на рынок в Кармаш. Может, там отыщем...

Но слова его не утешили жену.

— Степан, что-то не так... Мне кажется, конь попал в руки очень злого человека...

— Во всяком случае, будем искать до конца. Руки опускать не стоит. Нарезь хлеба в дорогу — тронемся в путь.

— Ты же сегодня ничего не ел... Я суп сварила.

— Перекусил по дороге. Больше ничего не хочется.

Татьяна молча разрезала краюху пополам.

— На счастье, — прошептала она, укладывая тёплые ломти хлеба в походную сумку.

Тем временем Максим возился во дворе — складывал упряжь в телегу. Увидев Степана, кивнул:

— Сейчас запрягу коня и поедем. А ты пока в избе посиди.

Степан опустился на лавку у амбара. Тяжёлые мысли накрывали его волной: искать коня — всё равно что ловить ветер в поле. Может, Машук и не в Кармаше вовсе? Кто станет открыто торговать украденной лошастью на базаре?

«Как жить без лошади? — билась в голове горькая мысль. — Всё это время я даже представить не мог, каково это — остаться без коня...»

Он так погрузился в свои переживания, что очнулся лишь тогда, когда перед сенями появилась запряжённая телега.

Максим взглянул на кума — и сердце сжалось: столько боли было в его глазах.

— Я готов, — сказал Максим. — Какой дорогой поедем?

Вопрос застал Степана врасплох. После короткой паузы он твёрдо сказал:

— Поехали напрямую.

— Мимо рощи Пакаша? — насторожился Максим. — Не опасно? Какой смысл, если нас убьют?

— Да кому мы нужны? У нас нет ни денег, ни сокровищ. Пожалей лошадь — она целый день работала.

Максим молча кивнул. Оба уселись в телегу и тронулись со двора. В переулке им встретила женщина с вёдрами, вода в которых плескалась через край при каждом её шаге.

— Э-э, кум, глянь, полные вёдра — добрый знак! — оживился Максим.

— Да будет счастье, — вздохнул Степан.

Выехав за ворота, они одновременно сняли шапки, повернулись на запад и перекрестились.

Солнце, оставив синее небо, скрылось за лесом. Путники неспешно выехали на главную дорогу. Тёплый ветер, дувший с юга, ласкал землю. С приходом жары по обе стороны дороги зацвела «богородица», разливаясь в воздухе тонким ароматом, который так и манил вдыхать его снова и снова.

— Весна нынче дружная была, — с воодушевлением заговорил Максим. — И посевы ржи хорошие. Урожай, думаю, будет богатый.

— Весна была хорошая, — согласился Степан. — Но урожайность зависит не только от весны, но и от лета. Во время роста всходов, перед тем как начнёт колоситься, нужен тёплый дождь. Тогда будет хороший урожай.

— Зимой много снега выпало, кум. Волга полноводная была. Погода должна быть хорошая, — уверенно добавил Максим.

— Не знаю, что сказать... Кукушка поздно куковала нынче, — с сомнением протянул Степан.

Вдали, словно молчаливый страж, проступила тень чёрного леса.

— Доезжаем до рощи... — прошептал Степан.

— Рощи Пакаша? — тихо уточнил Максим.

Степан обернулся. Конь по-прежнему неспешно ступал по дороге, которая у края рощи изгибалась, словно извилистая змея, таящая в себе немую угрозу.

— Ночь тёмная... Проехать бы благополучно мимо этой рощи — и тогда уж точно доберёмся... — прошептал Максим, невольно прижимаясь к Степану, будто ища у него защиты от ядовитого укуса невидимой гадины.

— Коли Бог сохранит, проедем благополучно, — постарался утешить его Степан, но в голосе звучала натянутая уверенность.

— Человеку Бог дозволил творить на земле всякое зло, — возразил Максим, не скрывая тревоги.

— И что поделаешь... Придётся сопротивляться поневоле.

— Да как сопротивляться-то? — в голосе Максима зазвенела отчаянная растерянность. — Гольми руками против ножей не попрёшь. Надо было железные вилы взять...

Беспокойство его не было пустым: все окрестные деревни знали — в этой роще гнездится разбойничья шайка. Не проходило и года без кровавой расправы: то купца ограбят, то путника прикончат, а тела бросят где попало.

— Ещё прошлой зимой, — вспомнил Максим, сжимая вожжи, — на торговца из соседнего села напали. Возвращался он из Казани с зерном — так его и ограбили, и убили, а тело в сани бросили. Чиновники хоть и старались, да так никого и не нашли...

Он резко ударил лошадь вожжами, подгоняя её поскорее выбраться из зловещей тени рощи. От испуга та выставила уши, пронзительно заржала — и вдруг, едва въехав в поворот у опушки, шархнулась в сторону и замерла как вкопанная.

— Что там за штука?! — вырвалось у Максима.

Он наклонился, пытаясь разглядеть причину остановки, — и в этот миг тяжёлая дубинка с размаху обрушилась на его голову.

— А-ах!

Максим рухнул на землю. Незнакомец занёс дубинку для нового удара — но Степан, мгновенно спрыгнув с телеги, схватил оружие обеими руками, рванул вверх. Разбойник, повиснув на дубинке, не удержался и с грохотом свалился у колёс. Степан вырубил его коротким ударом и бросился к коню.

Из-за деревьев доносились торопливые шаги — ещё один разбойник, державший лошадь за голову, спешно отступал в чащу.

— Кум?! — окликнул Степан, оборачиваясь.

Тишина. Сердце оборвалось.

— Ты умер?! — голос дрогнул.

Он склонился над Максимом.

— Господи, кум, ты живой? Или тебя убили? — прошептал он, едва сдерживая страх. Максим застонал.

— Здоров?

Тот приоткрыл глаз.

— Кум, это ты?

— Я, я, кум! Куда он тебя ударил? Не сломал шею?

— Наверное, нет... Но голова пылает. Помоги мне встать...

Степан бережно поднял товарища, не отпуская его руки — боялся, что тот снова рухнет.

— Стоишь? Не падаешь?

— Не упаду, наверное... Ноги твёрдо стоят, — пробормотал Максим, ощупывая голову.

— Вот здесь шишка круглая!

— погоди, кум, — Степан нагнулся, набрал сырой земли с поля. — Положи на рану — земля вытянет боль. Поможет, увидишь...

— Хорошо, что тебя не тронули, — выдохнул Максим, с трудом выпрямляясь. — Вдвоём бы тут и погибли...

В этот миг он заметил неподалёку распостёртое на земле тело, и слова замерли на его устах.

Разбойник понемногу приходил в себя. Он хотел было незаметно отползти к спасительной тени роши, приподнялся — и тут же рухнул обратно, скованный острой, всепоглощающей болью. Вспомнив, что чувашаи страшатся смерти, он решил притвориться мёртвым.

— Кто это? — воскликнул Максим, на миг забыв о собственной боли.

— Тот, кто ударил тебя, — коротко ответил Степан.

Гнев вспыхнул в Максими, как искра, превратившаяся в бушующее пламя.

— Человеческая чума! Гнусная голова! — яростно выкрикнул он и пнул лежащего.

Но тот не издал ни звука, не шевельнулся. Это заставило Максима содрогнуться.

— Что это за гадость? Он мёртв?

— Боже мой! Кум!.. — в голосе Степана зазвучал неподдельный страх.

Разбойник уловил их смятение и воспрянул духом: «Сейчас перекрестятся да бросят меня здесь».

В другой раз, может, так бы и случилось. Но сейчас сердца путников пылали яростью.

— Кум, — очнулся Степан, — Я ударил наобум. Вряд ли я его убил. Не притворяется ли он?

Он опустился на колени, приложил щеку к губам разбойника. Тот, осознав замысел Степана, затаил дыхание. Но долго не выдержал — резко выдохнул.

— Здравствуйте-здра-а-авствуйте! — съязвил Степан.

— Мерзавец! Что задумал, а?! — Максим вновь занёс ногу.

— погоди, кум, — остановил его Степан. — Сначала узнаем, кто он.

Оба склонились над незнакомцем. Спутанные волосы падали на заросшее бородой лицо, из-за этого оно напоминало ошестинившегося ежа.

— Не знаешь его?

— Нет, не знаю!

— И я не видел этого человека.

— Эй, фигура, расскажи нам: кто ты, откуда будешь?

Разбойник решил прикинуться простачком.

— Вы меня спрашиваете, кто я? — произнёс он с насмешкой. — Вы смешные люди! Как я могу рассказать то, чего не знаю... Я вырос в лесу. Мой дом — глубокий овраг. В природе у меня нет знакомых. В некоторых деревнях меня знают лишь собаки.

— Вот что, кум, — возмутился Степан, — нечего терять время на его болтовню. Повезём его в деревню, соберём народ. Там и принуждать не придётся — поневоле скажет.

— А ты что, не хочешь продолжать поиски лошади? Нет, кум, так нельзя, надо доехать до рынка.

— А этого куда денем?

— Куда?.. — Максим задумался. — По-моему, кум, все разбойники — из одной шайки, и каждый из них знает, что делает другой. Может, этот негодяй знает, где твоя лошадь?

— Да, кум, ты прав! — согласился Степан.

— Ну тогда время терять нечего. Положи его на телегу, поедем. По дороге сам расскажет.

Степан взвалил разбойника на телегу и сел рядом. Лошадь, немного отдохнувшая, легко тронулась с места. Степан приступил к допросу:

— Вот что, человек... Ты не хотел рассказывать, кто ты, мы не будем тебя принуждать... Прошлой ночью мой конь пропал. Расскажи, кто его увёл? Где он сейчас может быть? Расскажешь по-доброму — тебя не тронем, оставим в живых. Не расскажешь — пеняй на себя!

Телега тряслась, причиняя разбойнику невыносимую боль, но он упорно молчал. Он пытался разгадать, что таится в душах этих крестьян. Ночью они смелы и решительны, но днём или в одиночку прячутся друг за друга, становясь робкими и слабыми. На заре, когда по дороге начнут ходить люди, они уедут, не совершив задуманного. Нужно протянуть время до рассвета — тогда появится шанс спастись.

— Вы можете меня убить. Ваша воля. Но труп ещё надо спрятать. Убийц могут отследить. Кто поверит, что вы убили бандита? Кто я такой? Поверьте, меня никто не знает. Я думаю, что я известен только собакам. Себе сделаете хуже... Мне всё равно... — тянул время разбойник. — И мне эта жизнь надоела. Пора переходить к Истине и отвечать перед Всевышним за все грехи, которые я совершил на земле.

— Не имеешь права упоминать Его Имя! — воскликнул Степан.

— Доброта Его беспредельна. В Нём и для меня найдётся искра. Вы меня к уряднику отвезите. Всё, что я там скажу, он запишет на бумаге.

Слова разбойника заставили Степана задуматься.

— Кум, как думаешь? Мне кажется, что к уряднику на самом деле надёжнее, — произнёс он, едва разбойник замолчал.

Грабитель почувствовал, что Степан колеблется.

— Все знают, что письменные показания более надёжны. Это я не для себя говорю. Мне сейчас всё равно. Говорю вам. Вам не будет никакой пользы от моего убийства. Самим будет хуже. Сошлют в Сибирь.

Слова эти тронули Максима, но, вспомнив о шишке на голове, он вновь вспыхнул гневом.

— В чью сказку ты веришь? Этого разбойника? Не понимаешь, что он пытается вырваться из наших рук? Зачем нам урядник! Мы должны сами всё узнать. Пусть он нам сначала расскажет. А потом подумаем, что с ним делать!

Эти слова укрепили дух Степана.

— Не надо ерунду нести, рассказывай, где мой конь! — отрезал он.

— Я вам только что сказал, отведите меня к уряднику. Там всё расскажу!

— Заткни свой поганый рот! — закричал Степан. — Или сейчас всё расскажешь, или тебе конец. Выбирай!

Разбойник понял: спасения нет.

— Ничего, не сломаете меня своими угрозами! — выкрикнул он громко и бесстрашно. — Если не согласитесь с моим небольшим условием, то ничего не скажу!

— Посмотрим! — сказал Степан. Он схватил правую руку разбойника, резко завёл её за спину и начал выкручивать.

— Зачем мучишь! Никто не позволял тебе мучить меня. Мучить человека может только закон. Если я виноват, отведите к уряднику! — не выдержав боли, закричал разбойник.

— Что он сказал? Что сказала эта подлая голова? — спросил Максим.

— Кажется, он называет себя человеком. Оказывается, мы не можем его мучить.

Максим обратился к разбойнику:

— Волк, молчал бы! Ты других людей по закону грабишь? За закон от меня хочешь укрыться? Сколько людей плакали по твоей милости? Сколько слёз пролил! Кум, побыстрее.

— Здесь мы — закон. Что хотим, то и делаем. Используй шанс выжить — пока даём тебе эту возможность, — произнёс Степан, не ослабляя хвата.

— Ой, не трогай, оторвёшь же! Лучше заживо закопай! Всё равно ничего вам не скажу! — закричал от боли разбойник и, стиснув зубы, замолчал.

Степан ещё сильнее вывернул ему руку, схватил другую и закричал:

— Говори! Где моя лошадь?! Если не скажешь, то разрежу на куски!

Разбойник молчал, словно мёртвый, решив перетерпеть.

«Нет, это нечеловеческая боль», — невольно подумал он, и на его лбу выступил холодный пот.

Вдруг он расхохотался во весь голос.

— Что вам рассказать-то ещё? Спрашивайте!

— Мерзавец! — взволнованно произнёс Максим.

Разбойник продолжал хохотать:

— Что ещё осталось делать, делайте! Хоть солите! Только плевал я на таких, как вы! Тьфу! — и густая слюна полетела в Степана.

Степан был в бешенстве. Максим вдруг соскочил с телеги, вскочил на ноги.

— погоди, кум, откинь ему голову назад. И посмотрим, что получится.

Он направился к лошади, чтобы развязать вожжи.

Разбойник перестал смеяться и заскрипел зубами. Он знал, как крестьяне сворачивают головы. Но неписанный разбойничий закон, запрещающий выдавать товарища, давал ему силы выдержать невыносимые страдания. Готовясь достойно встретить смерть, он мысленно произнёс: «Только не надо издавать ни одного звука... Умру, но ни одного звука не издам...»

Максим принёс вожжи.

— Кум, просунь его голову из-под телеги, я научу его смеяться!

Степан обвил голову разбойника вожжами, связал в петлю, вставил в неё конец дубинки.

— Ну, гад, рассказывай, что такое душа!

Разбойник молчал. Только тело дрожало, словно перед смертью.

— Не хочешь? Ладно...

Вожжи перетянули лоб разбойнику, но тот молчал. Максим начал откидывать его голову назад. В конце концов смертельная опасность оказалась сильнее воровских законов.

Разбойник разомкнул губы и что-то невнятно пробормотал.

— Кум, посмотри-ка — рот не приоткрылся? — настороженно спросил Максим.

— Как будто что-то шепнул... — отозвался Степан.

Он наклонился к разбойнику, взгляделся в его измученное лицо.

— Хочешь рассказать? — тихо, но твёрдо произнёс он.

Разбойник моргнул — едва уловимый знак согласия. Максим чуть ослабил натяжение вожжей.

— Если хочешь говорить — выкладывай сейчас. Нам некогда с тобой возиться! — поторопил Степан.

— Твоя лошадь... в Кармаше... — едва слышно, словно сквозь силу, прошептал пленник.

— В Кармаше?! Кто её туда увёз? — Степан подался вперёд, голос дрогнул от волнения.

— Филипп...

— Кто это?

— У Миххи живёт.

— Слышал? — Максим вскинул глаза на Степана, в них вспыхнул огонёк надежды.

— Кум, надо торопиться, — решительно сказал Степан.

— Что с этим делать будем? — кивнул Максим на разбойника.

— Бросим под Чёрный мост и оставим. Вот и звезда взошла. Скоро светать начнёт. Ехать ещё далеко, — торопливо проговорил Степан.

— Я думал, вы меня тут бросите... — прошептал разбойник.

Когда давление вожжей ослабло, он на миг ощутил облегчение. Но стоило ему услышать про Чёрный мост, как по спине пробежал ледяной озноб. Он понял: спасения нет. Из последних сил он взмолился:

— Пожалуйста, не убивайте! Вы обещали, что оставите в живых...

— Господи, мы и не думали тебя убивать! — возразил Степан.

— Бросить под мост — всё равно что убить...

— Не говори ерунды. Мы не обещали сохранить твою душу от всех бед. Останешься ты жив или умрёшь — нам не до этого! — холодно отрезал Максим.

Разбойник не унимался:

— Не бросайте под мост, пожалуйста. Отвезите к уряднику. Если я умру, у вас не будет жизни. У урядника я все показания повторю.

— Нам некогда с тобой возиться, — твёрдо ответил Степан.

На мосту они остановили лошадь. Поспешно соскочив с повозки, оба перекрестились, едва слышно прошептав: «Господи, помилуй, отведи от бесов». Затем, схватив разбойника за руки и за ноги, перевалили его через перила.

Спустя какое-то время лошадь тронулась с места. Сначала она пыталась бежать, но вскоре перешла на шаг. Максим раздражённо ударил вожжами, пытаясь погнать её, однако животное упорно не спешило.

— Кум, не бей, — вступился за лошадь Степан. — Днём она была на работе, а теперь всю ночь возит нас. Надо её пожалеть. Не будем торопиться.

Он соскочил с телеги и пошёл пешком.

— Ишь, мерзавка, еле идёт! — Максим тоже слез с повозки и зашагал рядом, привычно ворча. — Филипп... — словно разговаривая сам с собой, пробормотал он. — Вот ради чего Михха держит у себя этого человека...

— Кто бы мог подумать?

— Нечего тут думать... Всё племя Миххи — разбойники...

Телега медленно взобралась на холм. Вдали показались очертания Кармаша.

Когда Степан и Максим вошли в деревню, на улицах ещё не было ни души. Они свернули в узкий переулок и остановились у старого дома. Степан открыл ворота, и они завели коня во двор.

Степан окинул взглядом дома: в базарных деревнях многие держали трактиры. В базарный день, случающийся раз в неделю, хозяева пускали постояльцев — этим и кормились.

Из-за угла вышел хозяин — татарин средних лет с чайником в руках.

— Чай будете? — спросил он, окинув гостей внимательным взглядом.

— Не сейчас, спасибо, — ответил Степан. Заметив тень недовольства на его лице, поспешил добавить: — Позже с удовольствием, а сейчас спешим на рынок.

Когда лошадь отвели в конюшню, а упряжь повесили на гвоздь, они вышли на улицу.

Рыночная площадь уже пробуждалась. В воздухе плавал запах прелого сена и дёгтя, а где-то за рядами бондарей звонко стучал молоток. Между рядами ещё не толпились покупатели, но торговцы уже раскладывали товар: чуваш перебирал лапти в связке; рядом мужик завалил землю коромыслами и корытами, а два марийца аккуратно вязали веники и мётлы. В русских рядах бондари расставляли бочки, постукивая по древесине.

Степан и Максим направились к ряду животноводов, вытянувшемуся вдоль реки. Вокруг уже слышалось бляение коз и скрип телег.

— Кум, — тихо сказал Степан, оглядываясь, — вместе будем ходить — ничего не увидим. Может, разойдёмся?

— Ладно, — кивнул Максим. — Куда мне податься?

— Сходи на задний ряд. Помнишь, где он? Спроси в трактире, если что. Коли беда — беги ко мне. Я тут похожу, да к уряднику загляну.

Они разошлись, растворившись в утренней суете.

Скотный двор постепенно наполнялся людьми. Сначала одна чувашка вывела козу. Затем хромой мужчина пригнал телёнка. Пожилая пара выставила на продажу лошадь. Прошло совсем немного времени — и рыночная улица ожила, заполнившись людьми и скотом.

Степан вышел за пределы рынка, выпил кваса и вновь принялся наблюдать. Вдруг его взгляд упал на лошадь, которую вели неподалёку, накрыв плащом. Что-то в её поведении насторожило его: животное в отчаянии металось из стороны в сторону. Его погоняли кнутом, явно стремясь довести до места, где выставляли лошадей на продажу.

— Эй, добрые люди! Кому нужна хорошая лошадь — сюда! Бегом возит сто пудов! Дешево отдам! Подходите! Подходите! Не смущайтесь... — раздавался громкий голос торговца.

Тут же к лошади подошли два-три чуваша и несколько татар, начав оживлённо торговаться.

Степан оцепенел.

— Что я вижу... Это же моя кобыла... — прошептал он.

Он ринулся к коню, расталкивая людей.

— Врете! Этого коня никто не продаст и не купит! Это моя лошадь! — выкрикнул он.

Неожиданное появление незнакомца и его грозные слова мгновенно остановили толпу.

Десятки глаз устремились на Степана.

— Это моя лошадь! — повторил он твёрдо.

Первым опомнился торговец.

— Абдрахман, слышал? Этот дурак хочет отобрать у нас лошадь.

— Издалека видно, что этот человек не в себе! — раздался чей-то насмешливый голос.

В толпе зашептались:

— Что сказал этот человек?

— Говорит, что конь его!

Степан крепко схватил коня за повод.

— Пойдёмте к уряднику!

— К уряднику? Ты что, с ума сошёл? — к нему подскочил толстяк и грозно рявкнул: — Отпусти повод, дурак чуваш!

Он попытался вырвать поводок из рук Степана, но безуспешно.

Весть о том, что некий чуваш пытается отбить лошадь у торговцев, молниеносно разлетелась по рынку. Люди столпились вокруг, жадно наблюдая за разворачивающейся сценой.

В центр кольца вступили ещё несколько торговцев. Один из них яростно прикрикнул:

— Пусти повод!

— Нет, не отпущу. К уряднику отведу! — твёрдо стоял на своём Степан.

Торговец не стал больше разговаривать — занёс кулак, намереваясь ударить. Но Степан успел перехватить его руку.

— Эх, ты не человек! Что я тебе сделал? Из-за чего хочешь со мной драться? — чем сильнее закипала кровь, тем крепче сжималась его хватка.

— Отпусти руку! Отпусти! — завопил торговец, корчась от боли.

Но тут толстяк ударил Степана в глаз.

— Да помилуй, Господи! — сердито крикнул тот, не от боли, а от отчаяния. Не осознавая своих действий, он выпустил поводья.

В этот миг кто-то ударил его в бок, другой повис на шее, пытаясь согнуть его назад.

— Эх, ты... Зачем ты меня ударил? Для чего это тебе нужно?! — Степан резко ударил толстяка кулаком в бок. Тот рухнул на глазах у изумлённой толпы.

Глаза Степана заволокло пеленой ярости. Не разбирая, он схватил первого попавшегося и, размахнувшись, швырнул его в толпу. Упавший опрокинул ещё четырёх-пятерых.

Степан протянул руку, чтобы схватить следующего, но тот успел скрыться в толпе. Оглянувшись, Степан едва устоял на ногах.

— Господи, коня у меня забрали! — простонал он.

Ярость сменилась отчаянием.

— Своими руками коня отдал, что ли? Что же делать мне? Где искать теперь его? — прошептал он, выходя за пределы рынка.

Остановившись, он задумался. Внезапно в голове вспыхнула мысль:

— Надо сходить к уряднику.

Увидев возвращающегося Максима, Степан рванулся ему навстречу, словно за ним гнались.

— Кум, иди-ка скорее! — голос дрожал от внутреннего напряжения.

Максим сразу понял: что-то случилось. В глазах Степана читалась буря — смесь отчаяния и ярости, которую не скрыть.

— Что случилось? — настороженно спросил Максим.

— Да я коня из рук упустил! — прошептал Степан, и в его голосе прозвучала такая горечь, что у Максима сжалось сердце.

— Не может быть!

— Этой рукой я держал конский повод... Из рук вырвали... — Степан сжал ладонь, будто пытаясь удержать ускользнувшую нить.

— Ничего не понимаю, кум...

— Потом объясню. Сейчас нет времени. Лошадь — в руках торговцев. Из села выходит всего два пути. Ни в коем случае лошадь к нашей деревне не поведут. Попытаются отправить в Нурлат. Ты поезжай на ту дорогу. А я пойду к уряднику — попрошу о помощи.

— Ладно, поеду, — без колебаний согласился Максим.

— Езжай, кум, посмотри, пожалуйста. Только бы найти... Больше не упустил бы... — поторопил Степан и снова устремился к базару.

Дом урядника притулился на углу базарной улицы — неприметный, словно прячущийся от суеты. Степан переступил порог задней избы и замер: за столом сидел стражник Мошков. Лицо его было непроницаемым, движения — ленивыми.

— Что надо? — едва разлепив губы, пробурчал Мошков.

— Мне нужен урядник, — Степан старался говорить ровно.

— Зачем?

— Коня у меня украли. Конь здесь. Видел на рынке.

— Если видел, то что тебе тогда надо от меня? Что мешаешь, ходишь тут? — в голосе стражника сквозила откровенная насмешка.

Степан сжал кулаки, сдерживая закипающий гнев.

— Не смог забрать... Собралось несколько человек — из рук увели. Поскорее бы искать начать. Из деревни, надеюсь, ещё не увели её.

— Ай-яй, какой умник! Коня своими руками отдал, и мы должны её искать? — Мошков усмехнулся, явно наслаждаясь беспомощностью крестьянина.

Терпение Степана лопнуло.

— Ваше благородие! — вырвалось у него.

Мошков вскочил, глаза вспыхнули гневом:

— На кого поднял голос! Или забыл, где ты, кто ты?

— Помилуйте, ваше благородие! Я пришёл к вам за помощью. Если и вы не поможете, то нам, чёрному народу, не будет жизни! — в голосе Степана прозвучала искренняя мольба.

Мошков, удовлетворённый смирением просителя, опустил на место.

— Я ничего не могу сделать. Я на дежурстве.

— Значит, хотелось бы видеть урядника.

— Урядник вышел на рынок. И другие стражи порядка. Сходи, поищи, встретишь кого-нибудь! — бросил Мошков, теряя интерес к разговору.

Степан вышел на улицу, растерянно огляделся. Шум базара накатывал волнами — крики торговцев, смех, бряканье посуды. Он направился к рынку, пытаясь разглядеть среди толпы фигуру урядника.

На базаре царил хаос. Торговцы надрывались, зазывая покупателей:

— Девушки-красавицы! Добрые молодцы! Подходите сюда! Ситец, батист есть! Дешево отдам!

— Шали! Лекарство от боли в животе! Всё для вышивания!

— Эй, рыба! Рыба, рыба — смотри! Рыба сазан!

Люди толпились у прилавков — не столько покупать, сколько поглазеть. Аршин ситца стоил тринадцать копеек, аршин сатина — двадцать. За три аршина ситца крестьянин должен был продать пуд хлеба. Потому чувашки ночи напролёт ткали, чтобы сшить одежду из домо-тканой материи.

Степан не слышал этого гомона. Он расспрашивал встречных:

— Не знаете, где урядник?

Кто-то кивнул в сторону постоянного двора:

— В трактире, на противоположной стороне.

Степан направился туда. Первое, что бросилось в глаза, — хозяин трактира, тучный татарин с масляными глазами, выносил из подсобки горшок с тараканами и сыпал их на стены. Он верил: если тараканы размножаются, значит, и жизнь идёт в гору.

Заметив Степана, хозяин прищурился:

— Что тебе?

— Урядник тут?

— Зачем он тебе?

Степан, боясь упустить время, торопливо произнёс:

— Мне бы очень хотелось его увидеть. Если здесь, то скажите, пожалуйста.

Хозяин, не тратя слов, кивнул:

— Он в передней! — и снова вернулся к своему странному ритуалу.

Степан вошёл в переднюю. Рынок был в разгаре, и трактир почти пустовал. За столом сидели трое купцов и урядник — Григорий Петрович Огуречников. Тот в этот миг ударил кулаком по столу:

— Кто тут хозяин?! Я или вы?

— Вы, вы хозяин, Григорий Петрович! — поспешили заверить торговцы.

— Вот так! — немного успокоившись, Огуречников протянул руку к рюмке. — Наливайте!

Один из купцов тут же наполнил её водкой.

— Григорий Петрович, дорогой, будь здоров!

Огуречников, с трудом удерживая рюмку дрожащими руками, обвёл собутельников мутным взглядом:

— За бога, за царя! — опрокинул её и выпил одним глотком.

Торговцы засмеялись:

— Так только Вы умеете!

— Где Абдулла? Чего он не даёт пиво?! — снова ударил по столу Огуречников.

— Сейчас даст, Григорий Петрович! — один из купцов вскочил и бросился в подсобку. Увидев пьяного урядника, Степан заколебался. В другое время он бы не подошёл к этим разгулявшимся людям. Но выбора не было. Он снял шапку, поклонился:

— Ваше благородие...

Вместо Огуречникова ответил купец:

— Что тебе?

— Я не к тебе... — холодно отрезал Степан. — Ваше благородие...

Огуречников, почувствовав вызов, развернулся:

— Кто ты, что тебе надо?

— Ваше благородие, я из Энешкасси. У меня большая беда...

Урядник вяло махнул рукой:

— И что делать?

Степан, возмущённый равнодушием, с трудом сдержал гнев:

— Помогите найти, ваше благородие!

Купцы захохотали:

— Григорий Петрович, слышали, что этот чуваш просит?

Огуречников бессмысленно вращал глазами:

— Что пропало у тебя?

Степан хотел объяснить, но его перебил купец:

— Умру со смеху, Григорий Петрович! У этого чуваша беда потерялась, просит найти!

— Беду?

— Ага, беду просит найти!

Огуречников разразился хохотом:

— Беду? Ой! Такого никогда не слышал! Ой, умру от смеха!..

Степан попытался объясниться, но урядник отмахнулся:

— Понял, понял! Ой, живот от смеха болит!

— Ваше благородие! — резко оборвал Степан.

Смех оборвался. Огуречников вскочил, шатаясь:

— Что?! Как ты смеешь поднимать голос на меня?

— Ваше благородие, я не повышал голос...

— Я говорю, ты повысил голос!

— Ваше благородие!..

— Молчать! — Огуречников ударил по столу. — Кто ты? Как ты смеешь повышать на меня голос?!

— Ваше благородие, поймите, пожалуйста...

— Что?! Я? Не понимаю? — урядник поднялся, качаясь. — Как ты смеешь! Ты знаешь, кто я? Я — Григорий Петрович Огуречников! Я тебя завтра отправлю в Сибирь. В Сибирь!

— Вот что, добрый человек, — торопливо вмешался купец, — уходи скорее, пока твоя голова цела!

— В Сибирь! — Огуречников размахивал руками.

— Григорий Петрович, успокойтесь, пожалуйста! — попытался урезонить другой купец.

— Молчать! — рявкнул Огуречников и на него. — Где стражники?! Где они?! Срочно вызывайте сюда!

Купцы вскочили, один схватил Степана за плечо:

— Дурак чуваш... Давай, уходи поскорее!

Эти слова обожгли Степана. Он резко сбросил руку:

— Почему это я дурак?

Купец словно ждал этого:

— Ты что, драться?!

— Для чего мне с тобой драться? Я пришёл рассказать о случившемся, попросить о помощи...

Огуречников снова завопил:

— Вяжите его! Вяжите! Он разбойник!

Унизительные слова впились в душу Степана, как острые шипы. Внутри него бушевала буря — гнев клокотал в груди, но он изо всех сил сдерживал его, цепляясь за остатки самообладания.

— Ваше благородие! — голос его дрогнул, но не сломался. — Я не разбойник. Я пришёл рассказать вам о разбойниках. За помощью... Вы напрасно меня хулите...

— Молчать! — взвизгнул Огуречников, теряя последние крохи самоконтроля. — Вяжите его! Отправьте! В Сибирь! На каторгу!

Он рванулся вперёд, но ноги подвели — пошатнулся, вцепился в край стола, сдёрнул скатерть, и посуда с грохотом обрушилась на пол, разлетаясь осколками.

В этот миг в комнату ворвались трое — впереди хозяин трактира, за ним двое подручных. Они вцепились в Степана, поволокли к выходу.

— Эх, да что вы ко мне привязались?! Что я вам сделал? — выкрикнул Степан, пытаясь вырваться, упереться ногами в пол.

— Выходи из дома! — рявкнул трактирщик, глаза его горели злобой.

— Господи, не унесу же я твой дом! Что ты меня выгоняешь? — в голосе Степана звучала горькая ирония, но он не сдавался.

— Не выходишь?! — взревел трактирщик.

Внезапно он схватил Степана за горло, сжал пальцы, пытаясь задушить.

— Эх, зачем ты только тронул меня! — прохрипел Степан, рванул руку трактирщика, сжал её железной хваткой. Тот захрипел, обмяк и рухнул на пол.

В тот же миг другой нападавший занёс кулак — но Степан опередил: ударил ногой в голову. Противник скрючился, как червяк, врезался в стол и с треском повалился наземь.

— Как ты смеешь, собака! — взвыл Огуречников, брызгая слюной. Он рванулся к Степану, вцепился левой рукой в грудь, правой потянулся к бороде.

— Ваше благородие, пожалуйста, не лезьте! — в отчаянии взмолился Степан.

Но урядник не слушал. В этот момент поднялся с пола один из торговцев — вцепился в волосы Степана.

— Эх, вы же не люди! За что вы на меня?! — выкрикнул Степан. Он пошатнулся, едва не упал на Огуречникова — тот с визгом опрокинулся на стул, а затем с грохотом рухнул на пол.

— Караул! Убивают! Караул! — завопил урядник, дёргаясь в углу, как раздавленный жук.

Степан схватил за пояс одного из нападавших, рванул к себе, поднял в воздух и швырнул. Торговец упал меж столов, словно мешок, и затих.

Степан обернулся — в комнате больше не было никого, кто осмелился бы встать на его пути. Он шагнул к Огуречникову, который скулил в углу, суча ногами и размазывая слёзы по лицу.

— Ваше благородие... — голос Степана прозвучал почти устало. — Зачем вы кричите зря? Бог видит — я и пальцем вас не тронул...

— Караул! Убивают! Караул! — продолжал вопить урядник, не слушая.

Степан глубоко вздохнул. В груди всё ещё клокотал гнев, но он понимал — здесь ему не найти справедливости.

— Господи... Ничего хорошего тут не выйдет... — прошептал он, развернулся и стремительно вышел из трактира, оставив за спиной хаос, крики и разбитую посуду.

Глава 11

До развилки путники ехали в тягостном молчании. Лишь когда позади осталась ветряная мельница, Максим нарушил тишину:

— Кум, отсюда куда поедем?

Степан словно очнулся от тяжёлых дум. Мысль медленно пробивалась сквозь пелену тревоги.

— Куда поедем? Домой, наверное...

— Какой дорогой? Если той же — не попадём ли в беду?

— Господи помилуй, кум, что ещё страшнее может с нами произойти?

— И то правда... — вздохнул Максим. — Я всё про того разбойника думаю: не умер ли он? Там под мостом много старых столбов...

— Если умер, то ничего страшного. Бандиты опасны, когда живы.

— Да... Неприятно проходить мимо трупа.

— Говорят, если отвернёшься, то не пристанет.

Снова повисла тишина. Друзья погрузились в тревожные раздумья.

В голове Степана не было места мыслям о брошенном под мостом разбойнике. Его терзали заботы о завтрашнем дне. Земля вспахана и засеяна — скоро пора сажать картошку. Через пару-тройку дней нужно начинать вносить навоз. Наступит время покоса... Но как сеять рожь — без лошади? Придётся покупать. Есть десять рублей, но этого мало... Значит, надо продавать корову. Без молока прожить можно — детей малых нет.

— Господи, помилуй... — вырвалось у него вслух.

Мысли Максима текли иной рекой. Он тревожился: если грабитель мёртв, весть об этом разнесётся по селу, дойдёт до чиновников — и те начнут искать убийц. Страшно и то, что разбойник мог остаться в живых. А ещё страшнее — лишиться лошади...

«Надо было сидеть дома и не искать на свою голову приключений», — мелькнуло в голове. Но тут же подумал: «Кум Степан не справился бы без моей помощи». И сердце сжалось от желания ещё сильнее поддержать друга.

— Кум! — мягко окликнул он.

Степан, уставший от переживаний, повернулся к товарищу:

— Что скажешь?

— Даже если тяжело тебе, не переживай. Воля Божия велика. Он видит, что мы невиновны.

Тёплые слова тронули душу Степана. Ему вдруг захотелось излить всё, что жгло сердце.

— Я и сам знаю, что не виноват перед Богом... Но дальше жить будет трудно — это режет сердце. Подумай сам: картошку посадить, навоз убрать... Сколько работы! Крестьянин без лошади — крестьянин ли? Как человек без рук, без ног...

— Это правда, кум, — согласился Максим. — Но даже если сердце от переживаний лопнет, ничего уже не поделаешь. У тебя и у меня по два именных надела земли. Четыре надела обрабатываем моей лошадей. Посадим и картофель. Не переживай.

Но эти слова лишь усилили тревогу Степана: «Как потом в глаза людям смотреть?..»

— Раз поможешь, два поможешь, кум... Всегда не сможешь помогать. У тебя большая семья — надо всех кормить, всех одеть.

— Пока коня нет, надо помогать. Когда Николай вернётся с работы, возьмёте лошадь.

— До этого не буду ждать. Без лошади и день трудно прожить.

— Да... Что будешь делать, если сил не хватит?

— Придётся потрудиться.

Степан решил больше не делиться с Максимом своими мыслями — боялся, что, став достоянием людей, они утратят силу.

Максим подстегнул лошадь:

— Я вот ещё о чём думаю, кум... Что делать с чужаком, который живёт у Миххи? Разбойник сказал, что он у тебя лошадь украл и в Кармаш продал. И оказался прав. Хотелось бы, чтобы Филипп принародно объяснился.

— Да! — с внезапным воодушевлением откликнулся Степан. — Если разбойник жив, отвезём его в деревню, соберём народ и заставим повторить то, что нам рассказал. Тогда и можно будет забрать человека у Миххи.

— Правильно, — кивнул Максим. — Так и сделаем.

За разговором они и не заметили, как подъехали к Чёрному мосту. Максим остановил лошадь, поднялся на мост. Оба сошли с телеги, подошли к перилам, перегнулись вниз. Никого. Испуганно переглянулись.

— Вот те на... Увезли в деревню... — тихо пробормотал Максим.

— Поднялся, дьявол!

— Ты же тут и дубинку бросил?

— С ним же и выкинул.

— А теперь не видно её?

Они снова заглянули за перила.

— Что это может значить? Если он сам встал и ушёл, то дубинка-то должна лежать, — недоумевал Степан.

— Одно ясно: умер он или остался жив — друзья уже увезли его.

— Может, какой прохожий пожалел его? Сегодня базарный день, кто-то мог проехать здесь...

— Нет, я так не думаю, кум. Если простые люди подобрали его, то дубинка должна лежать. Для чего она им? Его забрали друзья. И мы собрались снова проехать мимо этой рощи!

— Давай поедем другой дорогой...

Максим, не успокоившись, забрался на телегу:

— Давай, садись, поехали поскорее. Кто-нибудь увидит нас и подумает: что делают эти люди на мосту?

Исчезновение разбойника всё сильнее пугало Максима. «Если остался в живых — лошадь заберут или накажут другим способом. Если умер — казнят или, ещё хуже, отправят в Сибирь...»

Наконец он не выдержал:

— Я так думаю, кум, — прошептал, словно боясь, что кто-то услышит, — если бы он умер, то было бы страшнее. Что будет, если начнут искать убийцу?

— Пусть ищут. Кто нас видел?

— Нас видели на рынке! Нюх у чиновников собачий — выследят.

— Если надо, пусть выслеживают. Мы ничего не видели, ничего не знаем.

Уверенность Степана немного успокоила Максима.

— Не знал, не видел — надежный вариант, — согласился он. — Но по-моему, этого недостаточно. В таких случаях трудно прикусить язык. Придётся что-то говорить. Если заранее не продумать, что сказать, можем запутаться. Чиновники только этого и ждут.

— Конечно, надо сейчас решить, что говорить.

— Скажем, что по другой дороге ехали?

— Ага. Мы побоялись ехать мимо Пакашевой рощи и поехали, допустим, по объездной дороге. Это вполне правдоподобно звучит. Никто не видел, по какому пути мы ехали. Впрочем, я об этом и переживать не буду, — махнул рукой Степан. — Хорошо, если умер. Вся деревня

ликовать будет, когда услышит, что разбойник убит. И не мы же напали на них, чтобы обвинять нас. Вот другого не поймали... Из-за этого стоит возмущаться.

— Эй, кум, хочешь покончить со всеми, поймав одного? Бандиты не только в Пакашевой роще, но и в нашем селе...

Дорога резко вильнула в сторону. Увидев знакомую рощу, Максим замолчал на полуслове. Теперь она казалась ему ещё более дикой, зловещей. Он придвинулся ближе к Степану.

Телега въехала в тень рощи. Где-то вдалеке раздалось уханье совы — для Максима оно прозвучало как разбойничий сигнал к нападению. Он не выдержал и начал молиться:

— Боже, не оставляй меня, сохрани, чтобы смог поднять детей...

Только когда роща осталась позади, он вздохнул с облегчением.

В деревню они вернулись ночью. Скрип колёс разбудил дворовую собаку, она резко залаяла. У чьих-то ворот загоготали гуси.

Лошадь остановилась у ворот дома, в сарае проснулся петух и громко закричал. За ним — соседние петухи.

— Полночь, — сказал Степан, спускаясь с телеги. Взял походную сумку, повесил на плечо. — Потревожил тебя напрасно, уж не сердись.

— Хлопоты были не напрасны, но счастья не принесли.

— Делать нечего, кум. Такова моя судьба. Доброй ночи тебе.

— Если лошадь нужна, приходи. Всё, что нужно, сделаю, — твёрдо сказал Максим.

Степан перелез через ограду. Во дворе — ни звука. После свадьбы впервые жена не открыла ему ворота.

Как всегда, он сначала подошёл к конюшне. Будь то возвращение с дальней дороги или просто от соседа — он не переступал порог избы, не посмотрев на то, как лошадь хрустит овсом.

Теперь в конюшне стояла тишина.

Татьяна почувствовала возвращение мужа, лишь услышав шаги в сенях.

— Кто там?

— Я это... — тихо отозвался Степан.

— Только прилегла, всё ждала тебя, незаметно уснула. Не услышала, что ты пришёл, — вздохнула она. — Наверное, не повезло...

— Счастье я упустил из рук... — отозвался Степан.

— Как так из рук?

Он снял сумку с плеча, бросил на кровать. Сел рядом с женой на постель и рассказал, как встретил лошадь и как её увезли торговцы. Только о драке с барышниками и урядником умолчал. Он хорошо знал: Татьяна и без того была на взводе, её хрупкая душа не вынесла бы подробностей этой безобразной сцены.

— Старый я стал... Отдал лошадь своими руками, — с горечью подытожил он, опустив взгляд.

Татьяна замерла. В её глазах отразилась бездонная тоска, а голос прозвучал словно изда-лека, будто она говорила сама с собой:

— Господи... Сон, что сено в дом привезли, был не к добру... Такое увидеть — к беде уж... — Она глубоко вздохнула, словно пытаясь удержать слёзы. — Что же мы будем делать? Как будем жить?

Степан медленно поднял голову. В его взгляде читалась усталость, но не отчаяние.

— Были бы здоровы — проживём, — произнёс он твёрдо, хотя в голосе слышалась нотка горечи. — Лошадь надо купить.

— Денег ведь не хватит, — тихо возразила Татьяна, и в её словах прозвучала безысходность.

— Корову придётся продать, — Степан говорил спокойно, взвешивая каждое слово. — У нас нет маленьких детей. Временно проживём и без молока. Без лошади трудно жить.

Татьяна долго смотрела на него, будто пытаясь прочесть в его глазах ответ на мучивший её вопрос. Наконец она тихо кивнула. В этом жесте не было ни протеста, ни слёз — лишь молчаливое согласие с неизбежным. Она приняла его решение так же безоговорочно, как принимала все тяготы их совместной жизни.

Глава 12

Филипп вернулся ещё до рассвета. Михха, увидев его, расплылся в широкой улыбке: — Молодец, друг! Я был уверен, что ты справишься. Сегодня ты заслужил угощения!

Но Филипп не ответил. Он тяжело опустился на доску перед амбаром, свесил голову на грудь, словно груз невидимой ноши пригнул его к земле. Прежде он не знал страха — ни перед кем и ни перед чем. Слез не проливал, а людей убивал с лёгкостью, будто мух. Но сегодня, увидев под Чёрным мостом безжизненное тело друга, он вдруг ощутил леденящий холод: «Не ждёт ли меня такая же участь?»

Михха, заметив его подавленность, насторожился:

— Что с тобой? Почему невесёлый? Или коня не смог увести? Рано, что ли, хвалю тебя?

— Лошадь увёл... Не беспокойся об этом... — глухо прошептал Филипп.

— Тогда отчего печаль?

— Мы... похоронили Волка Палюка... — голос Филиппа дрогнул, и слёзы, которых он прежде не знал, покатались по щекам.

— Волка Палюка?! Как так?! — встрепенулся Михха.

— Ночью... — Филипп вытер рукавом глаза, прежде чем продолжить. — Коня я увёл ночью. Зная, что за нами может быть погоня, приказал товарищам задержать их. Степан с Максимом и правда погнались за мной. У Пакашевой рощи их встретили мои друзья. Но Степан схватил Волка Палюка и бросил под Чёрный мост. Сегодня мы похоронили его в лесу...

Он замолчал, а в воздухе повисла тяжёлая тишина.

Михха ненадолго задумался, потом резко бросил:

— Так ему и надо!

Филипп вскинул голову — в его взгляде вспыхнул гнев. Он ожидал, что Михха опечалится из-за потери его товарища, но хозяин продолжал с каким-то холодным удовлетворением:

— Напал — уничтожай. Он, дурак, и себя не защитил, и в их руки попал. Так ему и надо!

Филипп мысленно согласился с Миххой. В душе он тоже корил товарищей за слабость, за то, что не смогли постоять за себя. Но тревога грызла его не из-за этого. Другое страшило его куда сильнее.

— Волка Палюка, видно, мучили... Обе руки вывернуты были. А на лбу — чёрная полоса, выжженная вожжами. Шея свернута назад... Это очень плохо. Он мог не выдержать и рассказать...

Наконец Михха понял, чего боится Филипп. Он шагнул ближе, голос его смягчился, но в нём по-прежнему звучала стальная уверенность:

— Ты живёшь под моим крылом — ничего не бойся. Теперь Степан не только мой, но и твой смертельный враг... Давай зайдем в избу и поговорим...

Глава 13

Татьяна пробудилась от звонкого петушиного крика. Вздохнув, приоткрыла глаза. Рядом неподвижно лежал Степан — словно бездыханный, будто душа покинула тело.

— Степан... — тихо позвала она.

Муж не шелохнулся. Тревога сжала сердце.

— Не заболел ли?.. — Она легонько потрясла его за плечо. — Ай, Степан, вставай же...

Он резко очнулся, вынырнув из мрака тяжёлого сна. Взгляд был растерянным.

— Что случилось?

Увидев, что муж в порядке, Татьяна чуть успокоилась. Хотела сказать, что пора пахать, но воспоминания о вчерашних невзгодах заставили прикусить язык. Отодвигая полог, тихо промолвила:

— Ничего, Степан, просто пора вставать.

Степан вскочил с постели стремительно, будто пытаясь убежать от гнетущих мыслей.

— Какой сегодня день?

— Должно быть, вторник.

— Верно. Аталкассинский базар — в среду. Поедем продавать корову. В следующий понедельник поеду за лошадьё.

— А что сегодня будем делать?

— Картошку посадим.

— Без лошади?

Молчание повисло между ними, тяжёлое, как свинцовая туча. Наконец Степан, не решаясь взглянуть жене в глаза, произнёс:

— Соху сам потяну.

— Ох, господи... всю деревню насмешим...

— Что тут смешного?

— Где это видано, чтобы человек соху тянул.

— Если кто не видел — сегодня увидят. Мне за это нисколько не стыдно.

— В понедельник коня купим, тогда и посадим картошку.

— Нельзя ждать, Татьяна. Опоздаем. Если сажать слишком поздно, картофель не уродится. Начать надо сегодня же.

Татьяна замолчала. Слова застряли в горле.

Степан обулся и вышел во двор. Сердце сжалось, когда он увидел пустую телегу с сохой. Ноги подкосились — он опустился на дрова, словно сбитый порывом ветра.

Из сарая выпорхнула ласточка. Расправив крылья, она легко облетела дом и присела на ветку орешника, тенью накрывавшую крышу. Птица заливалась звонкой песней, пытаясь развеять печаль хозяина, но он не слышал её — душа была глуха к красоте утра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.